

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему:

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ
СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ОБРАЩЕНИЙ В ПОВЕСТИ
«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И АДЕКВАТНОСТЬ ОТРАЖЕНИЯ В
ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

Образовательная программа «Русский язык»

Автор:

Чжан Ди

Ф. И. О. аспиранта

Научный руководитель:
доктор филол. наук, доцент
Селиверстова Елена Ивановна

Рецензент:
доктор филол. наук, зав. каф. рус. языка и литературы
Щукина Дарья Алексеевна

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения литературного произведения в лингвокультурологическом аспекте.....	11
1.1. Повесть «Собачье сердце» М. Булгакова в контексте эпохи.....	11
1.2. Лингвокультурологический подход к изучению литературного произведения.....	12
1.2.1. Пространственно-временные координаты произведения. Понятие хронотопа.....	12
1.2.2. Проявление культуры в языке в рамках литературного произведения. Реалия и лингвокультурема.....	15
1.2.2.1. Имена собственные в художественном тексте.....	22
1.2.2.2. Формулы этикета и их эволюция после Октябрьской революции	27
1.3. Исследование безэквивалентности России и в Китае.....	30
Выводы.....	35
ГЛАВА II. Функции собственных имен и формул обращения в контексте эпохи и тексте повести М. Булгакова "Собачье сердце".....	37
2.1. Имена собственные как способ выражения авторского замысла.....	37
2.1.1. Функции антропонимов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык.....	37
2.1.2. Функции топонимов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык.....	41
2.2. Своеобразие и функции обращений в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык.....	45
2.2.1. Обращения в повести М. Булгакова как свидетельство традиционной культуры носителей русского языка.....	45
2.2.1.1. Обращения к персонажам повести по имени, по имени и отчеству, по фамилии.....	46
2.2.1.2. Формы обращений, принятые в медицинской среде.....	53
2.2.1.3. Формы обращений, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску.....	56
2.2.2. Формы обращений как средство выражения социального конфликта (идеологического противостояния).....	57
2.2.2.1. Обращения в речи профессора.....	58
2.2.2.2. Обращения в речи представителей новой власти.....	62
2.2.2.3. Обращения в речи Шарикова (Шарика) как свидетельство его эволюции и социализации.....	65
Выводы.....	66
Заключение.....	70
Список использованной литературы.....	71

Список словарей и сборников паремий и их сокращенных наименований....	80
Электронные ресурсы.....	81

Введение

Художественная литература специфична в освоении пространства и времени (В.Е. Хализев). Действительность, разворачиваемая писателем в произведении, живущие в ней герои и все происходящее с ними воспринимается читателями в осях координат «время-пространство», т.е. через хронотоп. Он определяет, по словам М.М. Бахтина, художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. «Хронотопическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер, «выводить» словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира — даже если герои и повествователи не склонны к философствованию» (В.Е. Хализев).

В повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1924) перед читателями предстаёт Москва первой половины 20-х годов XX века, Москва эпохи серьёзного кризиса – экономического, социального, когда герои наблюдают уход привычного старого мира и вживаются в новое время с его новшествами и трудностями. Вступление в сферу смыслов этого произведения возможно только через понимание особенностей жизни того времени: Россия, Москва, калабуховский дом, в котором живёт и работает профессор медицины Преображенский; голод и холод, уплотнение квартир, угроза эпидемий – это не только общий фон, на котором разворачивается эксперимент по улучшению природы человека. Названные пространственно-временные приметы выполняют и сюжетообразующую функцию.

Картина жизни Росси времён НЭПа, острота показанного М. Булгаковым конфликта предстают перед читателями через восприятие многочисленных примет и характеристик, часть которых сейчас уже стала достоянием истории. Слова – наименования реалий того времени, образующие целую систему, обладают лингвокультурологической ценностью: это *антропонимы* – имена собственные (*Преображенский, Борменталь, Швондер, Шариков* и др.), многочисленные *топонимы* (по большей части это

урбанонимы: *Калабуховский дом, Сокольники, Главрыба*), наименования учреждений и организаций и аббревиатуры (*столовая нормального питания служащих центрального совета народного хозяйства, ресефесер, Моссельпром*), наименования денежных единиц и единиц длины и веса (*червонец, пятиалтынный, аршин, золотник, верста*), наименования профессий и социального статуса (*сахарозаводчик, буржуй, пролетарий, нэпман*), речь представителей постреволюционного пространства в содержательном и стилистическом аспектах (*обращения, формулы вежливости*) и т.д. Такая лексика показывает особенности места и времени данного произведения, участвует в воссоздании действительности определенной эпохи. В этом состоит главная причина выбора нами данной темы. «Словесная ткань» литературного произведения, по мнению Е.В. Хализева, участвует в создании образа бытия как целого, картины мира — «даже если герои и повествователи не склонны к философствованию».

Из произведений М. Булгакова на китайский язык переведены «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», «Роковые яйца» и др. Повесть «Собачье сердце», написанная в 1925 году, переведена известным китайским переводчиком и преподавателем русского языка Цао Говэйи и опубликована в 2010, хотя существуют и более ранние переводы. Китайские критики отмечают важность в повести «Собачье сердце» гуманистической мысли писателя, показавшего необычное событие, происходящее в Москве после революции и гражданской войны.

Культурно маркированная лексика повести, характеризующая как эпоху в целом – происходящее в России и в Москве, -- так и социальный конфликт, обширна и разнообразна, она может создавать значительные трудности при передаче на китайский язык, что делает **актуальным** анализ системы использованных Булгаковым лексических средств, обладающих лингвокультурологической ценностью, на фоне использованных китайским переводчиком соответствий. Необходимость адекватных переводов в

условиях межкультурной коммуникации также говорит в пользу подобных исследований.

Для того, чтобы показать актуальность предлагаемого подхода, приведем несколько примеров того, как переданы в китайском переводе весьма важные, на наш взгляд, понятия. Так, фамилия профессора Филиппа Филипповича Преображенского отличается звучностью и имеет у Булгакова яркую внутреннюю форму. Профессор – светило медицины, новатор, преобразователь, творец нового человека. Преображать мир – значит изменять его творчески, делать его лучше (Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). В китайском же переводе фамилия не имеет такого значения; передано только звуковое подобие фамилии.

Новизну работы обеспечивает отсутствие работ, посвященных изучению как лексики повести М. Булгакова с позиции ее лингвокультурологической ценности, так и хронотопа повести. Отсутствует также и выполненный в этом аспекте анализ переводов на китайский язык.

Объектом нашего исследования являются лексические средства языка, участвующие в повести М. Булгакова «Собачье сердце» в характеристике пространственно-временных координат определенной эпохи и рассматриваемые на фоне перевода произведения на китайский язык, а **предмет** составляют обладающие лингвокультурологической ценностью формы обращения и собственные имена, с помощью которых писателем осуществляется привязка описываемой им ситуации (истории) к конкретному времени и месту, а также степень адекватности их передачи на китайский язык.

В ходе работы используются следующие **методы**: метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа семантической структуры слов и выражений, интерпретационный метод, кросскультурный метод, количественный метод, метод сравнительного анализа, метод концептуального анализа.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: Получение читателем перевода адекватной характеристики эпохи и культурно-значимой информации, равной той, которую в закодированном автором М.Булгаковым виде получает читатель оригинала, возможна лишь в случае предельно внимательного отношения к отнюдь не случайным языковым средствам, использованным писателем. Более того, степень равноценности перевода оригиналу не зависит только лишь от наличия прямых языковых соответствий, но также и от экстралингвистических знаний переводчика.

Целью работы является выявление системы лингвокультурем – (наименований реалий эпохи, содержащих лингвострановедческую информацию) в повести «Собачье сердце», имеющих временной, пространственный и национальный колорит, участвующих в формировании глубинного содержания произведения и представляющих известные трудности при переводе.

Решаемые задачи:

1. Выявить различные подходы к изучению лингвокультурологической проблемы классификации реалий, проблемы хронотопа, теории перевода и проблемы поиска переводческих соответствий.

2. Проанализировать текст повести М.Булгакова «Собачье сердце», отобрать лексику, обладающую лингвокультурологической ценностью, называющую или характеризующую пространственно-временные координаты повести.

3. Выявить национально-культурные концепты в повести «Собачье сердце» и их отражение в переводе.

4. Выявить и охарактеризовать способы воспроизведения исторической картины оригинала и приемы передачи его национально-культурного своеобразия.

5. Определить степень равноценности перевода с русского языка на китайский.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Собственные имена в повести М. Булгакова «Собачье Сердце» репрезентируют своей семантикой и внутренней формой особенности русской культуры, выступают в роли характеристики персонажа автором и его отношения к нему. Собственные имена приближают мир, созданный автором, к реальному миру.

2. Используемые героями повести «Собачье сердце» формы обращения выполняют, согласно авторскому замыслу, особую функцию. Они отражают уровень культурного и интеллектуального развития говорящего, культуру его речи в целом и владение ее стилистическими регистрами.

3. Используемые формы обращения отражают место говорящего в системе социально-политической ориентации. Формы обращения и ответная реакция на них могут выступать в качестве проверки отношения коммуникантов к власти. Противостояние ее сторонников и защитников старых устоев, как и различие между представителями двух сословий – пролетарского и интеллигентского – показано, в том числе, за счет использованных форм обращения.

4. Точность передачи форм обращений и воспроизведение в переводе звукового и смыслового содержания антропонимов обеспечивает и точность передачи на другой язык авторского замысла. Приблизительная передача имен собственных, использованных в повести, ведет к утрате их функций в переводе. Неточность их передачи объясняется отчасти значительными отличиями в системе имен собственных двух языков.

5. Наличие в китайском языке и культуре традиции использования форм обращения, подчеркивающих статус лица, способствует достаточно точному воспроизведению функций обращения текста оригинала, хотя и с некоторыми стилистическими несовпадениями и снижением степени накала конфликта.

Наше внимание обращено в данной работе к собственным именам и обращениям, использованным в повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Теоретическая ценность исследования обеспечивается важностью анализа перевода художественных произведений как проявление культурного

контакта, в особенности контакта сравнительно далёких друг от друга культур, результатом которого должна стать адекватная передача определённой культурно значимой информации. Между тем, обращение к переводам показывает, что между текстом оригинала и перевода имеются значительные расхождения. Теоретическая значимость работы подкрепляется также возможностью показать языковые способы и средства, использованные М. Булгаковым для создания колорита эпохи 20-х годов XX века. Изучение хронотопа булгаковских произведений, до сих пор недостаточно освещённого, может внести свой вклад в разработку проблем художественного воспроизведения исторического времени и места. Данное исследование может также показать, каковы последствия неверно декодированной культурной информации оригинала и, следовательно, способствовать углублению теории перевода с русского языка на китайский.

Практическая значимость работы видится в возможности использовать результаты исследования в обучении русскому языку китайских студентов, на занятиях по переводу, литературе, анализу текста, практическому русскому языку. Результаты работы могут быть полезны при составлении лингвокультурологических и литературных словарей, а также в работе переводчиков.

Работа состоит из введения, двух глав и списка использованной литературы.

Во **введении** дается обоснование темы, указываются актуальность и новизна работы, ее объект и предмет, цели и задачи, применимость результатов исследования.

I глава включает обзор теоретической литературы, связанной с актуальными для нас аспектами исследования и основными терминами исследования: с лингвокультурологическим подходом к изучению языковых данных, понятием хронотопа, проблемами перевода с неродственных языков.

Во **II главе** рассматриваются два разряда единиц – имена собственные и формы обращений, осуществляющих привязку действия к конкретному

времени и месту, их роль и функции в тексте повести; анализируется степень адекватности их передачи на китайский язык.

ГЛАВА I. Теоретические основы изучения литературного произведения в лингвокультурологическом аспекте

1.1. Повесть «Собачье сердце» М. Булгакова в контексте эпохи

Русский писатель Михаил Булгаков (1891-1940) –родился в Киеве и учился на медицинском факультете в Киевском университете. В 1921 году писатель окончательно переехал в Москву.

В Москве Булгаков становится литератором и пишет романы и повести: «[Белая гвардия](#)», «Записки на манжетах», «Багровый остров», «[Роковые яйца](#)», «[Собачье сердце](#)», «Копыто инженера», «[Мастер и Маргарита](#)» и т.д. Достойное место среди этих работ занимает повесть «Собачье сердце», написанная в январе-марте 1925 года, но увидевшая свет в родной стране несколько десятилетий спустя – объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР не разрешило ее публиковать, а сам факт ее написания стал причиной обыска в квартире М. Булгакова. Годы творчества писателя пришлось на «тяжёлый период в истории страны» [Колесникова 2001: 5].

Впервые повесть «Собачье сердце» опубликована в журналах Германии и Англии, а на родине писателя она была опубликована только в 1987 году, в журнале «Знамя» – со значительным ошибок и искажений [Яновская 2007: 23], которые были исправлены Л.М. Яновской в соответствии с первоисточником, после чего в 1989 году читатели смогли познакомиться подлинным текстом повести «Собачье сердце».

В повести М. Булгакова «Собачье сердце» перед читателями предстаёт Москва первой половины 20-х годов XX века. Во время Гражданской войны (1917-1922) в России был принят политика «военного коммунизма», ее характерными чертами были «централизация управления экономикой, национализация промышленности, государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства, запрет частной торговли, уравнивание в

распределении материальных благ, милитаризация труда» [Борисова 2001: 56]. Такая политика привела Россию к экономическому упадку. Поэтому в 1921 году была введена новая экономическая политика – с использованием рыночной и различных форм собственности; были проведены денежные реформы [Яхутль 2012: 64].

1.2. Лингвокультурологический подход к изучению литературного произведения

1.2.1. Пространственно-временные координаты произведения. Понятие хронотопа

Художественное произведение рассматривается как творческий мир его автора, в нем действительность, герой и все происходящее, созданные автором. Все это действительность, герой и происходящее воспринимается читателями в осях координат «время-пространство», который определяется М.М. Бахтиным как «хронотоп» [Бахтин 1979: 234]. По его мнению, в литературно-художественном хронотопе отношение между временем и пространством взаимосвязанное, поскольку «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975: 122]. Исследовать художественное произведение и выявить авторское намерение необходимо выявить хронотоп в данном произведении.

Кроме того, в реальном мире пространство и время являются «формой существования материи» и «относятся к основным смыслообразующим философским категориям, без которых невозможна мировоззренческая модель реальности [Кандрашкина 2001: 1217]. Без обращения к пространственно-временным параметрам невозможно, по мнению А.В. Соколова, «изучение реально существующих объектов, процессов и явлений» [Соколов 2009: 69].

Художественное произведение, по мнению В.В. Виноградова, не только является авторским творчеством, но также и «конкретно-историческим фактом», и при этом тесно связано с общественной жизнью

соответствующего периода развития народа», «культурой и искусством этой эпохи» [Виноградов 1959: 170] – и, следовательно, изучение художественного произведения невозможно без учета его пространственно-временных особенностей. Таким образом, как писал М.М. Бахтин, хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности [Бахтин 1979: 234].

В.Е. Хализев отмечает, что действие находится в центре «словесного произведения», он выделил в хронотопе, в котором разворачивается действие, несколько типов, в том числе «реально видимый» и «воображенный» [Хализев 1999: 137-138].

В повести «Собачье сердце» действие разворачивается в Москве после революции, точнее в квартире на улице Пречистенке и окружающих ее местах – с конца 1914 до начала 1925. При воссоздании времени и места автор стремится произвести впечатление реальных места и времени, что поддерживается в тексте различными языковыми средствами. Время и пространство в литературном произведении, в отличие от времени и пространства в других видах искусства (например, скульптуре и живописи), не являются непосредственно воспринимаемыми чувствами, они не материальны, но присутствуют косвенным образом, доводятся до читателя через спектр определенных ассоциаций. В художественном показе мира пространство и время «оказываются сопряженными с самыми различными языковыми формами и средствами создания художественного образа» [Кандрашкина 2001: 1217].

Человек в любых координатах времени и пространства живет в «культурной среде», и одним из элементов и одновременно одним из средств фиксации такой культурной среды является язык» [Чепель 2005: 25]. Вопрос о связи языка и культуры привлекает внимание многих ученых.

Слово культура происходит от латинского слова cultura, которое обозначает «целенаправленное воздействие человека на природу» и «воспитание и обучение самого человека», оно тесно связано с

гуманистическими идеалами народа, развитием цивилизации, «с физическим, нравственным, эстетическим и духовным развитием человека» [Багманова 2013: 26].

С одной стороны, язык воспринимается как часть культуры. Знак (в том числе – языковой знак) является культурным предметом, так как знаки возникают в результате человеческой деятельности и в знаках закрепляются языковая и коммуникативная способности человека. Развитие культуры осуществляется народом. Культура и носит национальные особенности. Язык, как пишет Э. Сепир, имеет свое окружение. «Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), т.е. к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир 1993: 185]. Кроме того, как утверждают ученые, язык отражает действительность, а культура является одним из важных ее компонентов, и язык, следовательно, отражает культуру.

С другой стороны, люди «видят мир сквозь призму своего родного языка» [Мосиенко 2005: 155]. Язык является основным средством общения, он не только фиксирует культуру, но также и является «выразителем культуры, традиции носителей языка» [Вахобова 2012: 72], т.е. на нем лежит выполнение кумулятивной функции, которую мы понимаем как «отражение, фиксацию и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [Верещагин, Костомаров 1980: 7]. Как пишет В. фон Гумбольдт, язык воплощает материальную и духовную культуры. Внутренняя форма языка отражает национальный характер культуры, а язык является связующим звеном между человеком и окружающим его миром [Гумбольдт 1985]. Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в области лексики, поскольку лексические единицы «непосредственно связаны с предметами и явлениями окружающей действительности» [Чепель 2005: 25].

Новое научное направление, получившее значительное развитие в XX в. – лингвокультурология является, по определению В.В. Воробьева, «комплексной научной дисциплиной, изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [Воробьев 1997: 26]. Более развернутое определение дают Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков: это «филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое писание этих объектов, которые его своей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка». Исследователи подчеркивают важность учета информации энциклопедического характера, «коррелирующей с собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» [Зиновьева, Юрков 2009: 13].

Объектом лингвокультурологии как науки является «язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка» [Красных 2001: 12], а её предметом является изучаемые и описываемые синхронно действующие средства и способы взаимодействия языка и культуры» [Телия 1999: 16-17].

1.2.2. Проявление культуры в языке в рамках литературного произведения. Реалия и лингвокультурема

Используемый В.В. Воробьевым термин *лингвокультурема* необходим, по его мнению, при выявлении связи лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания

лексической единицы, составляющих диалектическое единство [Воробьев 2006: 44-45].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают, что семантика слова включает не только лексическое понятие (набор признаков, с помощью которых люди могут назвать данный предмет данным словом), но и лексический фон – совокупность непонятийных семантических долей (СД), которые могут быть межъязыковыми и национально-культурными. Например, в составе понятийного поля слова «дом» выделяются межъязыковые СД – «стены», «окна» и национально-культурные СД – «крыльцо», «сени» [Верещагин, Костомаров 1980: 11-13]. В любом языке лексика отражает важные для общества понятия – она уникальна с позиций создаваемого ею культурного фона и является своеобразным «маркером культурной ориентации» [Кабакчи 1993: 71]. Большинство слов «обозначает дискретные физические сущности», и это позволяет проследить связь между этими единицами и культурой определенной нации и определенного времени [Алексеева 2007: 15].

«Лингвокультурема, с одной стороны связана с “вещным миром”, с другой – с «национально-культурным, нравственным проблемам этноса» [Рамазанова 2011: 60]. Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица может быть представлена словом, словосочетанием, абзацем и текстом [Потапова 2009: 33]. Лингвокультурема, согласно определению в словаре терминов, является «комплексной межуровневой единицей», представляющей собой «диалектическое единство лингвистического(знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет)» [Азимов, Щукин 2009: 350].

Лингвокультуремы образуют так называемое *лингвокультурологическое поле*, которое, по определению В.В. Воробьева, является «иерархической структурой множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу». В лингвокультурологическом поле можно выделить ядро

(лингвокультурема, выражающая в общих чертах какое-либо понятие)», центр (группу лингвокультурем с их синонимическими, антонимическими, ассоциативными и другими отношениями)» и периферию (систему смежных лингвокультурем) [Воробьев 2006: 64-67, 73].

Художественные тексты дают богатый материал для изучения лингвокультурем, что обеспечивается статусом произведений как явлений вторичной моделирующей системы. Лингвокультурема в художественном тексте требуют выяснения их культурного содержания как отражающие этномаркированное сознание носителей языка, т.е. национальной языковой личности, как выразители привнесенного в текст авторского смысла, как единицы, обладающие значимым экстралингвистическим содержанием.

Определенные группы лексики, привлекающие внимание своей способностью отражать особенности социальной жизни, нравов и быта определённого общества, составляют в художественном произведении значительный пласт. Среди них могут быть установлены тематические лексические комплексы, квалифицируемые как единицы языка с национально-культурным компонентом значения. Для их обозначения С. Влахов и С. Флорин пользуются понятием "*реалия*".

Термин, происходящий от латинского слова «*realis*», согласно определению в словаре иностранных слов, имеет два толкования: 1. «предмет; действительно существующая, конкретная вещь» [Комлев 2006: 563]. С лингвистической точки зрения, многие ученые – в том числе Л.С. Бархударов – дают следующее определение (2) слову "*реалия*": это «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов 1975: 95].

Многие ученые дают сугубо лингвистическое определение данному слову. По мнению В. М. Россельса, реалия является «иноязычными словами, которые обозначают понятия, предметы и явления, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится» [Россельс 1955:

169]. О.С. Лиликович пишет, что реалии «связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями» и «закрепились в словах самых обычных» [Лиликович 2013: 105].

Таким образом, очевидно двойственное понимание термина: с одной стороны, реалия рассматривается как предмет, явление, понятие и т.п.; с другой стороны, реалию можно рассматривать как «слово», а не референт, названный им. Иначе говоря, в лингвистическом обиходе используются термины «слова-реалии», «термины-реалии» и «знаки-реалии».

В нашей работе мы придерживаемся мнения, разделяемого Л.Л. Нелюбиной, С. Влаховым и С. Флориным, Л.Н. Соболевой, В. Россельсом и состоящего в том, что под реалией понимается одновременно и предмет, и слово, называющее его [Нелюбин 2009: 178, Влахов, Флорин 1980: 74, Соболев 1952: 281, Россельс 1955: 169]. Однако следует отметить, что в художественном тексте – в зависимости от авторского намерения – в роли реалии может выступать единица любого уровня языка и речи, в том числе словосочетания, которые семантически равны слову [Верещагин Костомаров 1976: 71], а также сокращения, такие как «ЦПКиО, ОПН» и т.д. [Вайсбурд 1972: 98]. Л.Н. Соболев определяет реалии как «бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и на языках других стран» [Соболев 1952: 281]. В этом случае реалии трактуются шире слов и выражений, приравниваемых к словам.

Из приведенных выше определений следует, что реалии имеют этномаркированную окраску, характеризуют нечто особенное, свойственное определенной нации – иными словами, реалия имеет местные характеристики. Кроме того реалия может быть связана с историческим отрезком времени [Томахин 1981: 65]. С одной стороны, предмет-реалия как созданный человеком имеет временные привязки. С другой стороны, статус реалии не стойкий – референт реалии может изменяться в ходе развития языка и мышления и т.д. Например, *шлем* в средневековье

принадлежал к военной лексике и именовал военную реалию. В последнее же время, с развитием отдельных видов спорта, данное слово также называет «защитный головной убор спортсмена, который предохраняет его от травм при падении, ударов противника и т.д.» или «головной убор особого покроя у военных, закрывающий голову и шею» и «специальный головной убор, предохраняющий голову от ушибов, ранений или от действия лучей тропического солнца» [СРЯ. 4: 633], так что референт слова «шлем» уже изменился и это слово сейчас уже является не военной реалией, а исторической, а современным головным убором воина является каска. Такая особенность обеспечивает слову-реалии способность характеризовать определенный временной период, отражаемый автором в тексте. Таким образом, как пишут Влахов С. и Флорин С., реалии имеют «национальный и (или) временной колорит», не имеют, как правило, точных соответствий в другом языке и требуют особого подхода при переводе» [Влахов Флорин 1980: 47].

Как пишет В.В. Красных, реалии известны «всем представителям национально-лингвокультурного сообщества» и актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, «обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется» в речи представителей этого сообщества [Красных 1998: 51]. При переводе подобные слова и выражения создают известные трудности, что нередко позволяет говорить об их «непереводимости» [Алексеева 2014; Овсянникова 2006: 79] или относительной переводимости [Григорьева 2017: 44].

Кроме того, лингвисты пользуются целым рядом терминов для обозначения языковых средств, имеющих национальный и временной колорит. Ср.: «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», «локализм», «бытовое слово», «этнокультурная лексика», «этнолексемы», «варваризм», «экзотизм» и «алиенизм» [Влахов, Флорин 1980: 5-13]. Наиболее часто специалисты прибегают к термину «безэквивалентная лексика» - мы находим его в работах Г.В. Чернова, М. П. Алексеева, А. В.

Федорова и др. Термин «экзотическая лексика» используется А.Е. Супруном, Б.Н. Павловым, Н.А. Филатовой и т.д. Как отмечено выше, введение термина «реалия» обусловлено необходимостью построения классификации лингвокультурем, и в этом мы поддерживаем точку зрения Л.В. Мосиенко, рассматривающей эти термины как синонимы [Мосиенко 2005: 156].

В круг реалий включаются также слова, казалось бы, «вполне нейтральные и имеющие переводы на другие языки», но «отягощенные для русского литературными, эстетическими, художественными и эмоциональными ассоциациями», – ср., например, слово-реалию *береза* [Верещагин, Костомаров 1980: 199]

В любом народе количество реалий огромно. Именно этот факт становится причиной изучения в разных языках значительного пласта слов, представляющих трудности для понимания и осмысления их представителями иной культуры.

Взгляды ученых на возможные способы классификации реалий разнятся – они классифицируются в соответствии с разными критериями: местом, временем, тематической принадлежностью слов.

Наиболее распространенной из них является тематическая классификация, предложенная А.А. Реформатским, отмечающим, что из иноязычных слов в русский язык вошли такие разряды лексем, как: 1) имена собственные, 2) монеты, 3) должности и обозначения лиц, 4) детали костюма и украшения, 5) кушанья и напитки, 6) обращения и титулы при именах [Реформатский 2004: 100].

С учетом классификации А.А. Реформатского и теоретической разработки вопроса такими исследователями, как В. Дьяков, В.Д. Уваров, В.Н. Крупновой и др., С. Влахов и С. Флорин представили наиболее полную и убедительную, на наш взгляд, детальную классификацию реалий. Она включает в качестве основных три большие группы: это географические реалии, этнографические реалии и общественно-политические реалии.

В первую группу включены реалии, связанные со географией определенного места, такие как названия природных явлений: киви, снежный человек и т.д.

Вторая группа – самая большая и сложная – включает в себя следующие подгруппы реалий, определяемые отдельными сферами жизни и деятельности:

- 1) быт (пища, напитки, одежда и т.п.),
- 2) труд (люди труда, как переводчик, организация труда как колхоз и т.п.),
- 3) искусство и культура (музыка, музыкальные инструменты, театр, праздники, календарь и т.д.),
- 4) этнические объекты (этнонимы, названия лиц по месту жительства и т.д.),
- 5) меры и деньги.

В третью группу «общественно-политические реалии» входят следующие реалии: единицы, номинирующие административно-территориальное устройство (населенные пункты, административно-территориальные единицы, и их детали), органы и носителей власти, общественно-политическую жизнь (политическая деятельность и деятели, патриотические и общественные движения и их деятели, социальные явления и движения, звания степени, титулы, обращения, учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия и касты и их члены, сословные знаки и символы) и военные реалии (подразделения, оружие, обмундирование и военнослужащие) [Влахов, Флорин 1980: 47-79].

Исследователями С. Влаховым и С. Флориным были добавлены – по сравнению с предыдущими – многие разряды реалий: «монеты», «детали костюма и украшения», «кушанья и напитки», «одежда» и т.п. также и добавили многие новые подгруппы.

В этой классификации отдельные группы составили обращения и собственные имена, которые представляются важными не только потому, что

среди них обнаруживается «значительное число реалий или мнимых реалий», но и потому, что они являются «характерными элементами речевого этикета» [там же: 227-228]. Однако антропонимы и топонимы как отдельные разряды собственных имен в рамках подгрупп исследователями не отмечены.

Между тем имена собственные обладают наибольшим аксиологическим потенциалом и привлекают внимание многих ученых.

1.2.2.1. Имена собственные в художественном тексте

Собственное имя (СИ) исследуется издавна – к нему обращались еще древнеегипетские, древнегреческие и древнеримские учёные [Сперанская 1973: 45-91]. Имена собственные считались особым классом слов и в эпоху Возрождения, и позже – в течение всего XIX и XX вв. «Функциональное и языковое своеобразие имени собственного привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания – ономастике», которая в греческом языке означает 'искусство давать имена' 'относящимся к наименованию' [Бондалетов 1983: 3]. По определению А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и многих других учёных, собственным именем является слово, словосочетание, которым именуется объект среди похожих объектов. Поддерживая это мнение, А.М. Эмирова определяет СИ или онимы как «слова или словосочетания, которые служат для именованя, называния объекта, его выделения среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [Эмирова 2009: 326]. Собственное имя выделяет единичный предмет (под предметом может пониматься как неодушевленные «вещи», так и живые существа) из многих похожих предметов; предмет, который обладает собственным именем, называется носителем имени или референтом. Собственные имена не дают уточняющих определений и не зависят от ситуации общения, такое имя не может называть другой похожий предмет, т.е. с точки зрения лингвистики собственное имя называет особенные объекты [Ярцева, 1990: 1459].

В.И. Супрун считает, что современная русская ономастика «обрела прочные теоретические основания и четкие контуры объекта и предмета исследования» [Супрун 2000: 2]. Она развивается как самостоятельная наука, но также рассматривается и как междисциплинарная наука. СИ можно исследовать как предмет «языкознания, истории, географии, литературоведения, астрономии, культурологи, социологии и др.» [Иванова 2009: 19].

Вклад российских ученых в лингвистическое описание имени собственного в русском языке обобщен в исследовании О.В. Ивановой следующим образом: ею названы труды М.В. Горбаневского [1987, 1988 и др.], Э.М. Мурзаева [1982], Л.А. Введенской [1986] и др., ими описаны основные разряды онимов, проанализированы процессы ономастической деривации; А.М. Селищев [1968], О.Н. Трубачев [1997] и др. определили исторические процессы, происходившие в русской ономастике в целом и в ее отдельных частях; А.В. Федоров [1963], Т.Н. Кондратьева [1983], О.И. Фонякова [1993] остановили своё внимание на роли онимов в текстообразовании и коммуникации; Е.С. Обухова [2005], Л.И. Зубкова [2008] и многие другие обратились к изучению роли имени собственного в художественном тексте [цит. по: Иванова 2009: 20].

В целом собственные имена тесно связаны с культурой и отражают национальный характер и временную окраску, поэтому в последнее время СИ весьма активно исследуются в лингвокультурологическом и лингвострановедческом аспектах. В XX веке человек поставлен лингвистами во главу угла, а антропоцентрический подход становится ведущим вектором в науке. «Язык понимается как форма существования знаний, поэтому в последние годы особенно актуальным становится изучение языковой картины мира», и «отрасли, тесно связанные с человеком, его сознанием, мышлением, его духовно-практической деятельностью» получают интенсивное развитие [Вендина 1998: 5]

Наибольшего внимания удостоилась в современных исследованиях проблема определения состава онимов и их основных разрядов – в работах А.В. Суперанской, М.В. Карпенко, А.Г. Лыковой, С.И. Зининой, И.А. Воробьевой и др.

А.В. Суперанская выделила среди СИ 3 большие группы: «имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые», в том числе антропонимы, зоонимы, мифонимы; «именования неодушевленных предметов», в том числе топонимы, космонимы и т.д.; «собственные имена комплексных объектов» – в том числе хрононимы, названия учреждений, обществ и т.д. [Суперанская 1973: 87-205]. Это одна из наиболее подробных классификаций собственных имен. Более компактную классификацию предложила О.И. Фонякова, выделившая всего 8 групп ИС: антропонимы, топонимы, космонимы, зоонимы, хрононимы, хремотонимы, теонимы и мифонимы, а также – отдельно – литературные антропонимы, топонимы, зоонимы [Фонякова 1990: 4-50]. Самыми большими из всех групп, по данным В.С. Виноградова, являются группа урбанонимов, включающая наименования улиц, наименования учреждений и организаций, и группа антропонимов [Виноградов 2001: 104-111].

Антропоним – слово греческого языка. Оно определяется в словаре лингвистических терминов так «собственное имя людей» [Розенталь, Теленкова 1976: 35]. Антропоним занимает ядерное положение в ономастическом поле любого языка. Антропонимы включают в себя, по мнению В.И. Карасика, «личные имена в их официальной (полной), домашней (краткой, гипокористической), уменьшительно-ласкательной (деминутивно-мелиоративной) и увеличительно-уничижительной (аугментативно-пейоративной) формах, вторые и последующие имена, отчества, дедичества, андронимы, гинеконимы, патронимы, фамилии, вторые фамилии, прозвища, псевдонимы, клички, криптонимы, уличные фамилии и др.» [Карасик 1991: 29]. Все эти виды антропонимов выполняют функцию

именования человека и используются при обращении к нему [Мадиева, Супрун 2010: 96].

У каждого народа есть свои традиции именования. Мотивы и структура имен и т.п. отражает разницу между традициями разных народов [Красик, 1992: 29]. Например, как известно, в китайской антропонимической системе полные антропонимы являются двухкомпонентной моделью – «фамилия + имя». Но в русской системе существует дополнительное имя, даваемое в честь отца – отчество. В современной антропонимической системе русского народа полная официальная антропонимическая формула включает три компонента – имя, отчество и фамилию [Рогалев 2009: 5].

Антропонимы разных народ отличаются «набором компонентов и словообразовательных элементов». Каждый антропонимикон образует «имена на основе тех средств, которые имеются в языке» [Мадиева и Супрун, 2010: 99]. А.А. Белецкий исследует восточнославянский антропоним с точки зрения его происхождения. Он отмечает, что, кроме некоторых имен (Владимир, Всеволод, Ярослав, Ольга, Игорь и др.), большинство имен исторически происходит от греческой именной системы (ср. Иван, Анна и др.), и эти иностранные имена, преобразованные фонетически, относятся сейчас к родным именам русских [Белецкий, 1972: 78].

Топоним – термин из греческого языка, является собственным названием какого-либо географического объекта. Н.В. Подольская определяет данный термин как оним – наименование «природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т.п.)». В число топонимов включаются «гидроним, ойкономим, спелеоним, хороним, урбаноним, дрономим, агрономим, дримоним, некроним» [Подольская, 1988: 137]. Топонимика представляет собой сложную систему, которая составляется, среди прочего, «названиями улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов». При этом одно и то же имя может быть включено в разные подсистемы. Для

них, следовательно, целесообразно ввести и использовать термин – **урбанонимы** [Суперанская, 1973: 187].

По определению Н.В. Подольской, термин урбаноним – от латинского "urbanus" «городской»+оним» – используется применительно к наименованиям «любого внутригородского топографического объекта»; среди урбанонимов она выделяет агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская 1988: 154].

А.М. Мезенко определяет данный термин более лаконично и четко: урбанонимы являются собственными именами «внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи. Это названия линейных (улиц переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т.п.), территориальных (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т.п.) и масштабных объектов (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т.п.)». Урбанонимия, представляя собой набор названий весьма разнородных объектов, обнаруживает тесную связь и переплетение входящих в неё единиц, выполняющих сходные функции – это и позволяет объединить их в один класс топонимов: «языковой контекст (внутригородские названия) выступает следствием контекста вещей (все называемые объекты находятся внутри города)» [Мезенко, 1991: 3].

В художественном тексте онимы выполняют разные функции. Во первых, как писала И.Н. Исакова, онимы выполняют «назывную» функцию: обозначают персонаж, место действия. Во-вторых, по словам Ю.А. Карпенко, онимы «можно определить как субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем “игру” общеязыковыми ономастическими нормами» [Карпенко 1988: 3]. Онимы привязывают «действительность» в художественном творчестве к объективно существующему «пространственно-временному континууму» [Белозерова 2008: 15]. Е.Ф. Косиченко, отмечая, что авторское произведение «представляет собой продукт творческой активности автора и одновременно несет отпечаток социокультурных условий его жизни», а «глубина понимания авторского

замысла зависит от способности читателя учитывать оба фактора в процессе интерпретации», подчеркивает важность обращения исследователей к роли онимов в художественном тексте – именно в условиях антропоцентрического подхода к языку [Косиченко 2013: 94].

Кроме того, онимы обладают художественной и культурно-исторической ценностью. Как пишет М.В. Горбаневский, собственные имена являются средством создания художественного образа в произведении, имеют яркую смысловую нагрузку, обладают скрытым ассоциативным фоном, отмечены особым звуковым обликом; они также и могут «отражать историческую эпоху и обладать социальной характеристикой» [Горбаневский 1988: 5]. И.Г. Милевич, подчёркивая принадлежность антропонимов национальному культурному пространству, акцентирует историческую, культурную и национальную специфику и ценность антропонимов и причисляет их к «прецедентным именам» [Милевич 2012: 72].

1.2.2.2. Формулы этикета и их эволюция после Октябрьской революции

Обращением, по определению в словаре лингвистических терминов, является «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лица или предметов, к которым обращена речь» [Ахманова 2010: 266]. Оно выражается самыми различными лексемами – в роли обращений выступают «собственные имена людей во всех формах, прозвища, клички, названия социальных признаков и ролей и т.д.» [Формановская 2002: 24].

Обращение используется для установления и поддержания контакта между собеседниками, а также оно отражает «определенную речевую интенцию говорящего по отношению к адресату в ситуации непосредственного общения» [Ибрагим 2004: 33].

Использование обращений составляет один из разделов речевого этикета – «правил обхождения людей друг с другом, воплощенных в речи» [Формановская 2002: 5]. С традиционной точки зрения, речевой этикет – совокупность сформировавшихся в обществе «словесных, или вербальных, форм выражения вежливых отношений между людьми в процессе общения» [Трофименко, Волгин 1991: 3-4]. Соблюдение общественно-принятых норм способствует сохранению отношений между коммуникантами и позволяет рассматривать человека как члена социально обусловленной системы общения [Ларина 2003: 17]. Формановская Н.И. также и отмечает, что речевой этикет носит национальную специфику – речевое поведение должно соответствовать с «статусно-ролевыми и личностными отношениями» коммуникантов и соответствует с обстановкой общения [Формановская 2002: 177].

Для того, чтобы установить контакт и гарантировать качество коммуникации, говорящему нужно выбрать подходящее обращение в соответствии с ситуацией, с учетом таких факторов, как обстановка общения, социальный статус говорящих, их возраст, пол, близость отношений и, что также важно в свете нашей работы, общественная идеология» [Айсакова 2008: 34].

Н.И. Формановская различает «с точки зрения обстановки и взаимоотношений общающихся» общение частное (или неофициальное) и официальное [Формановская 2002: 13]. Официальная обстановка – обстановка в учреждениях, в сфере обслуживания, здравоохранения, образования, в различных организациях и деловых кругах, она требует соблюдения нормы. С.А. Аристов и И.П. Сусов выделяют, помимо семейно-бытовой сферы, 3 иных сферы общения: институционно-производственную, сферу обслуживания (потребительскую), сферу досуга [Аристов, Сусов 1999: 5]

В официальном обращении часто встречаются наименования профессионального статуса [Ромазанова 2007: 135]. В выделении

неофициальной сферы общения исследователи более единодушны: это повседневное бытовое обращение, обычно в кругу семьи, среди родственников, знакомых, друзей и т.д., его особенность состоит в относительно свободном контроле за поведением. Неофициальное обращение часто эмоционально окрашено и выдает степень близости участников ситуации общения [Радугин 2003: 97]. Выбор неофициального обращения иногда носит личностный характер, связанный с отрицанием действующих в обществе норм [Аристов 1999: 9] и может определяться личными симпатиям.

Н.И. Формановская отмечает, что «комплексный подход к речевому этикету, учитывающий данные социолингвистики, психолингвистики, стилистики, этнолингвистики и т.д., может обеспечить адекватное национальной культуре усвоение речевого этикета и адекватное его применение в повседневном речевом общении» [Формановская 1987: 6]. Однако, по мнению ученых, в связи с развитием экономической, идеологической и политической жизни и т.п. правила поведения изменяются. [Бирюлина 2009: 40]. С развитием общества нормы речевого этикета также развиваются и изменяются, как и способы обращения. Если в XVIII-XIX вв. «в российском обществе господствовал дворянский этикет» [Бирюлина 2009: 45], в соответствии с которым привычными были обращения *господин*, *государь*, *сударь* и т.д., то после Октябрьской революции – в связи с резким поворотом общества к иному типу отношений – появилось и новое обращение *товарищ*, получившее широкое употребление, в то время как некоторые прежние обращения получили новое значение [Руделев 1992: 27].

Таким образом, вежливость, предполагающая знание правил выбора соответствующего обращения, рассматривается в лингвистике как коммуникативная категория, проявления которой могут существенно различаться в отдельных культурах и демонстрировать национальную специфику. Как пишет А.Г. Балакай, обращение не только называет собеседника, устанавливает, поддерживает контакт, но и выражает относительное положение говорящего и слушателя, «накапливает, сохраняет

и передает социальный опыт (также и национально-культурный опыт) и знание о мире» [Балакай 2002: 35], т.е. представляет собой явление из сферы лингвокультурных маркеров.

Не случайно С. Влахов и С. Флорин, выявляя трудные случаи, с которыми сталкивается переводчик при передаче особенностей оригинального текста, отмечают важность обращений как характерных элементов речевого этикета и включают их в круг реалий, отражающих национальную и временную специфику [Влахов, Флорин 1980: 227-228].

1.3. Понятие безэквивалентности в переводоведении России и Китая

По мнению К.И. Чуковского, следует «переводить смех – смехом, улыбку – улыбкой» [Чуковский 1968: 61]. Однако «перевод художественной литературы – это окно в другой мир» [Фёдоров 1983: 13] – в мир другого народа, в мир, написан автором на его язык. Каждый язык отражает культурной особенностью, «истории», «менталитета, быта», «понимание» и т.п. его носителей [Алексеева 2007: 3].

Таким образом, как писали В. Влахов и В. Флорин, «в любом художественном произведении есть такие элементы текста, которые, условно говоря, перевести нельзя», они назвали их непереводаемыми [Влахов, Флорин 1980: 6]. Г.Б. Чернов присоединяется к их мнению, считая, что в процессе переводческой деятельности в разных контекстах встречаются слова, «не имеющие постоянного устойчивого эквивалента». Этим фактом и определяется важность для нашей работы термина «безэквивалентная лексика», который применим к лексическим единицам, называемым, в частности, явления, специфические для определенной эпохи (ср. *колхоз*, *пионервожатый*), а также национально-специфические реалии [Чернов 1958: 3].

В.Н. Комиссаров отмечает важность адекватности перевода как основного критерия качества, т.е. соответствия перевода оригиналу:

1) нельзя искажать содержание оригинала, указывать «на иную ситуацию, изменять цель коммуникации, дезинформировать рецептора перевода»;

2) в переводе нужна «точная передача отдельных слов или деталей оригинала», нельзя вносить иные стилистические особенности, отличные от оригинала, нельзя нарушать «нормы языка перевода, свидетельствующие о недостаточном владении данным языком» [Комиссаров 1990: 42-45].

Следовательно, в задачи переводчика входит передача так называемого «непереводимого» читателю – носителю другого языка.

«Исследователи склоняются к выводу, – пишет В.В. Мошкович, – что для текстов разных стилей, функций, коммуникативной направленности необходимо выделять свои критерии» [Мошкович 2013: 291-292]. Исследователь отмечает, что в процессе переводческой деятельности нужно следовать образцам, ориентированным на:

1) «воспроизведение в переводе идиоматических выражений и иных образительно-выразительных средств путем подбора аналогов и эквивалентов в языке перевода»;

2) отсутствие искажения от смыслового содержания, стилистических особенности оригинала;

3) «полную реконструкцию значения, без упущений и добавлений - возможность расхождений в оценках умножается в результате проблем, возникающих из-за свободного перевода, помимо других»;

4) «сохранение и воссоздание в переводе прагматического аспекта оригинала» [там же: 293].

В результате многолетней практики и разработки теоретических основ переводоведения сложились следующие признанные способы перевода «непереводимого»; об этом подробно писали В. Влахов и В. Флорин:

1. Транскрипция. Данный способ принимается для того, чтобы передавать различные реалии, особенно имена собственные.

2. Введение неологизма – создание нового слова или словосочетания. За счет перевода данным способом можно сохранить содержание и колорит реалии; например, за счет использования калек – заимствованных слов или оборотов, создаваемых путем буквального перевода (ср. *skyscraper* – небоскреб).

3. Приблизительный перевод. Иногда переводчик передает содержание реалии единицей с более широким или узким значением. Таков перевод слов *изба*, *хата*, *сакля*, *коттедж* и т.п. словом *дом*. Такой способ называется родо-видовой заменой. Приблизительный перевод также допускает использование функционального аналога. Например, *сто пудов* переведено на другой язык «очень тяжелый», *ни копейки* – «ничего» или «никаких денег».

Применяются и такие способы, как описание, объяснение, толкование. Например, *армяк* – «одежда из грубой шерсти». Но надо отметить, что перевод данным способом не является абсолютно адекватным – он часто не позволяет передать полное содержание, национальный или исторический колорит реалии. В таком случае расчет делается на воображение или догадку читателя, или же переводчик должен тем или иным образом подсказать каким-то образом на часть содержания или колорита, которые не дошли до понимания читателя.

1. Контекстуальный перевод. Данный способ обычно противопоставляется «словарному переводу», т.е. в контексте слово часто может иметь отличие от толкования в словаре, будучи все-таки с ним связанным. В работе С. Влахова и С. Флорина приводится пример перевода слова *путевка* на английский язык соответствием «accommodations» («Сколько стоит путевка на советский курорт?» «How much are accommodations at Soviet health resorts?»). Приблизительный перевод, однако, нивелирует некоторую специфику оригинала, делает его более нейтральным, лишает текст части содержания и колорита оригинала. К такому способу прибегают чаще во избежание большого количества транскрипций, осложняющих восприятие текста [Влахов, Флорин 1980: 87-93].

Многие китайские ученые – Конфуций, Сюань Цзан, Лян Цичао, Юань Бинье, Ху Вэйцзя и др. – обращались к проблемам перевода.

Китайские ученые отмечают важность культурных различий при переводе лексики, отмеченной культурными особенностями. Это касается не только слов, но и функционально равных собственным именам выражений. «У каждого народа своя особая история развития, социальная система, экологическая среда, религиозное верование, народные нравы и обычаи и т.п., так что в каждой языковой системе имеется особая лексика, идиомы, классические прецедентные тексты (примеры, образцы, эталоны) и т.п. - одним словом, в каждом языке существуют слова, репрезентирующие культурные особенности» [Цюй Гуанюн 2009: 155]. Такие слова обычно не имеют эквивалента в другом языке. По мнению Лун Личао и Чжоу Сюетин, можно разделить такие слова на четыре группы: ?? природно-экологические, религиозные, материальные, социальные [Лун Личао, Чжоу Сюетин 2011: 45-46].

Цинь Чэнцян и Ши Цуньжан в своей работе пишут о способах передачи безэквивалентной лексики. Транскрипция – «перевод» произношения. Как известно, в системе китайского языка иероглифы, разные по значению, могут быть одинаковыми по звучанию. В переводе способом транскрипции нужно брать такие иероглифы, которые по звучанию совпадают с произношением иностранных слов, а по значению связаны с оригиналом. Например, женское имя «Нина» переводится транскрипцией на китайский язык «□ □». В китайском языке по звучанию иероглиф □, □ и т.д., что похоже на «ни», но выбирается иероглиф «□», имеющий значение «девушка» [Цинь Чэнцян, Ши Цуньжан 2011: 41-42]. Следует заметить, что немногие слова можно перевести иероглифами, которые похожи на оригинал одновременно и по звучанию и по значению. Таким образом, в переводе способом транскрипции значение иероглифов не играет важной роли. При существовании в китайском языке сильной омонимии много иероглифов звучит одинаково, что создает трудности при передаче транскрипцией: одно иностранное слово

может иметь разные переводы, так что, помимо известных имен и некоторых заимствованных слов редко встречаются устойчивые варианты перевода с помощью транскрипции.

По мнению ученых, перевод безэквивалентной лексики должен отвечать следующим критериям. Произношение перевода иностранных слов должно соответствовать нормам произношения в языке переводчика. Такой критерий впервые использовал Конфуций. Сюн Синь в своей работе подчеркивает его важность и пишет, что при переводе звуками нельзя ни добавлять звук, ни сокращать, ни переводить с применением диалектного звучания [Сюн Синь 1981: 39]. Цзань Жуцзюнь также пишет, что в случае передачи звучания следует переводить звуками, соответствующими официальной норме китайского языка в КНР, нельзя переводить звуками диалекта [Цзань Жуцзюнь 2016: 40-42].

Бывают некоторые отклонения от этих установок. Так, общепринятым является передача английского названия банка Citibank на китайский язык как 花旗銀行 [Чжоу Динго 2003: 503]. 花旗銀行 по произношению – Huaqiyinhang: hua значит цветы, qi – флаг, yinhang – банк. Но такой перевод уже принят почти всеми китайцами. Таким образом, чтобы не путаться в номинациях, при переводе сохраняют это соответствие и не прибегают к другим.

Юань Шуньчжи в своей работе рассматривает добавление комментария как один из способов передачи безэквивалентной лексики. Данный способ перевода помогает передать безэквивалентную лексику, сохраняя ее национальную специфику и значение [Юань Шуньчжи 2014: 43].

Цинь Чэнцян и Ши Цуньжан также упоминают о смешанном способе – переводе по произношению и по значению. Например, Chartered Bank. Chartered переведен по произношению «花旗», а Bank – по значению «銀行» [Цинь Чэнцян, Ши Цуньжан 2011: 42].

Далее мы обратимся в тексте М. Булгакова и тексту перевода, с тем чтобы увидеть особенности переводческой работы и поисков и оценить степень адекватности в передаче особенностей героев, города, эпохи и т.д., показанных писателем.

Выводы

Таким образом, в результате ознакомления с упомянутыми исследованиями можно сделать следующие выводы.

1. «Собачье сердце» написано в особый период, а его содержание и многие показанные автором детали увязываются с реальными временем и местом – послереволюционной Москвой, городом времен НЭПа.

2. В художественном произведении с помощью хронотопа осуществляется не только показ действительности, создаются образы персонажей, формируется конфликт.

3. Собственные имена – антропонимы и топонимы – являются важным элементом отражения исторических и национальных, культурных особенностей в художественном тексте.

4. Обращение как важная часть речевого этикета выражается самыми различными лексемами; оно отражает отношение между коммуникантами и позволяет рассматривать человека как члена социально обусловленной системы общения.

5. Способы обращения – а в некоторых культурах особенно – способны служить не только средством коммуникации, но и выполнять функции показателя отношения говорящего к адресату и его оценки.

6. В практике перевода собственные имена и обращения как единицы культурно-маркированные создают значительные трудности, решение которых во многом зависит от эрудиции переводчика, глубины прочтения текста и традиций национального переводоведения.

1.

ГЛАВА II. Функции собственных имен и формул обращения в контексте эпохи и тексте повести М. Булгакова "Собачье сердце"

2.1. Имена собственные как способ выражения авторского замысла

2.1.1. Функции антропонимов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык

Практически все персонажи повести – за редким исключением – наделены у М. Булгакова определенными именами, официальными или интимно-дружескими. Часть собственных имён лишена, на первый взгляд, важной лингвокультурологической информации.

Все антропонимы в повести переданы транскрипцией, и лишь к двум из них переводчиком добавлены комментарии, раскрывающие их внутреннюю форму: это имена Шарик и Полиграф Полиграфович.

Вот сцена появления представителей новой власти в доме Преображенского. Швондер как главный так представляет профессору членов правления калабуховского дома:

— Я — Швондер, она — Вяземская, он — товарищ Пеструхин и Шаровкин. И вот мы...

При представлении Швондер не называет имени и отчества, что в целом противоречит правилам общения, – в частности, правилам представления в официально-деловой ситуации, что исключает возможность уважительно обращаться к малознакомым людям. Значит автор как бы заранее исключает такую возможность для этих персонажей. С другой стороны, Швондер нарушает и иное правило – не называть по фамилии человека в его присутствии без упоминания его должности, звания, статуса и проч.

В системе китайского языка, в присутствии фамилия может использоваться как указание на присутствующего при разговоре человека, но

не участвующего в нем, также исключительно с соответствующей характеристикой – профессор, директор, либо с использованием полного имени. Их отсутствие в переводе придает этому знакомству фамильярность и свидетельствует о смене парадигмы форм номинации, принятых у представителей новой власти и ее сторонников. Китайским читателям трудно уловить выраженное автором намерение. В переводе на китайский язык данные фамилии переданы транскрипцией – 申方旦 (Швондер), 维亚兹емский (Вяземска), 佩斯特鲁欣 (Пеструхин) и жаровкин (Жаровкин). Поскольку русские фамилии очень отличаются от китайских, которые могут быть представлены графически одним иероглифом – ср. 陈 (фамилия Чжан), 范 (Ван), 李 (Ли), 赵 (Чжао) и т.п. – или двумя иероглифами: 刘 (Оу Ян), 林 (Лин Ху) [Лю Минь 1999: 41]. О характере русских фамилий и имен и о нарушении этикетных норм читатель информации не получает.

Профессор называл своих соседей по дому, хорошо ему знакомых, в третьем лице, по фамилии, но в сочетании с указанием на их социальный статус. Так, в его разговоре с доктором Борменталем о разрухе после революции мы встречаем:

Спрашивается, — кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Саблин? (Филипп Филиппович ткнул пальцем в потолок). Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (Филипп Филиппович указал вбок). Ни в коем случае! Да-с! Но хоть бы они их снимали на лестнице!

Вспоминая ушедшие времена, когда калоши оставлялись на специальной калошной стойке в коридоре и никто на них ни разу не посягал, профессор намеренно называет своих соседей именно так, желая, видимо, подчеркнуть тот факт, что *буржуй* -- слово из лексикона представителей новой власти в отношении многих нежелательных лиц после Октябрьской революции – никогда бы калоши «не попер», как и другие вещи – ковры на лестницах и проч. Такая номинация в контексте косвенно указывает как на проблемы самой эпохи и нового государства, некоторые явления того времени и мнение профессора о тех, по чьей вине в стране царит разруха.

Кроме того, с точки зрения норм русского языка, номинация субъектов в 3-м лице по форме «наименования социального статуса + фамилия» представляется более корректной, чем только по фамилии, так как, обращение только по фамилии используется в бытовой среде и имеет «сниженный оттенок» [Формановская 2002: 67], что для профессора Преображенского является неприемлемым.

Использование транскрипции в переводе имен допустимо по отношению в разным героям в неравной степени.

Имена идеологов и деятелей революционного движения в повести «Собачье сердце» выполняют важную функцию.

Ф. Энгельс и К. Каутский – известные политические деятели, имена которых упоминает Шариков, сообщая о повышаемом им «политическом уровне», над которым усиленно работал Швондер:

– Эту... как ее... переписку Энгельса с эти м... Как его — дьявола — с Каутским.

Имена известных идеологов и политических деятелей и серьезность и трудность для понимания их трудов вступают в противоречие с несуразностями бытового характера, несоблюдением Шариковым элементарных норм поведения члена общества.

Карл Маркс, философ и экономист, являлся идеологом коммунистического движения. Его имя используется профессором с иронией, адресованной новой власти:

Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?

Названные имена переданы на китайский язык *транскрипцией*, т.е. с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме. Здесь этот перевод можно считать адекватным, как и перевод имен идеологов и деятелей революционного движения, поскольку в китайской переводческой

традиции уже имеются освященные многолетней традицией, варианты перевода, используемые китайскими специалистами.

«Транскрипция является традиционным приемом перевода имен собственных с русского языка на китайский» [Сунь Симо 2015: 46]. В повести М. Булгакова таким способом переданы все имена, фамилии и отчества, а также большая часть названий государственных организаций и учреждений, что не всегда оправданно: за некоторыми из них скрывается авторский скептицизм, насмешка или юмор.

Если первые три имени членов нового правления калабуховского дома не вызывают особых ассоциаций в русском языковом сознании и, следовательно, их перевод не принципиален для адресата – звукового подобия вполне достаточно, то фамилия Швондер представляется более значимой. При отсутствии очевидной внутренней формы она, тем не менее, вызывает определенные ассоциации: фамилия созвучна другой «шипящей» фамилии – Шарикова, которым Швондер взялся руководить. По созвучию это имя увязывается и со словами *шваль* ('Негодная вещь. Негодный, ничтожный человек') [СРЯ.4: 352], *швах* – 1. 'Несведущ, очень слаб в каком-л. Отношении'. 2. 'Плохо, скверно') [там же]. Однако и в этом случае фамилия передана на китайский язык без сохранения каких-либо аллюзий – у читателей перевода фамилия Швондера (к тому же далеко не русская) – не вызывает, к сожалению, никаких ассоциаций.

Перевод с помощью транскрипции фамилии Преображенского, с ее яркой внутренней формой и серьезной смысловой нагруженностью, следует признать крайне неудачным. Эта фамилия имеет яркую внутреннюю форму: *преобразать* – 'придать иной образ, вид, совершенно изменить кого-, что-л.' [МАС.3: 545]. *Преобразать* – значит изменять мир творчески, улучшать. Кроме того, фамилия профессора, как пишет Н.Ю. Коньшева, отсылает нас к русскому православному празднику «Преображению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» [Коньшева 2015: 176]. Так что неслучайно профессор, живущий к тому же на Пречистенке (мы обратимся к этому

топониму ниже), получил у Шарика статус некоего божества. Невольно возникает связь между фамилией профессора и его почти божественным назначением демиурга, творящего нового человека. Для китайского читателя вся эта информация утрачена.

Наконец, фамилия *Шарикова*. *Шарик* – кличка дворовой собаки. В тексте М. Булгакова обыгрывается его внутренняя форма: *шар*, *шарик* – «круглый».

«Шарик она назвала его... Какой он, к черту "Шарик"? Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрёт».

Контраст семантики мотивирующего признака и реального вида и состояния собаки – тощей, измученной борьбой за выживание, и размышления пса по поводу этого несоответствия заставили переводчика дать в китайском тексте пояснение-сноску об этимологической связи фамилии с формой шара.

2.1.2. Функции топонимов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык

«Специфика этноса, его культурные и исторические традиции прямо или косвенно находят отражение в топонимах» [Перфильева, Новоспасская, Да 2017: 191]. В повести «Собачье сердце» автор М. Булгаков использует топонимы, точнее *урбанонимы* (названия улиц, зданий, учреждений) как показатели особенностей эпохи и элементы картины Москвы 20-х годов. Эти урбанонимы во многом окрашены авторской иронией. Например: название *Столовая нормального питания служащих Центрального совета народного хозяйства*. Но на самом деле мерзость этой еды очевидна даже для не избалованного хорошей едой уличного пса:

Что они там вытворяют в Нормальном питании — уму собачьему непостижимо. Ведь они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят, а те, бедняги, ничего и не знают. Бегут, жрут, лакают.

2.1.2. Функции топонимов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык

«Специфика этноса, его культурные и исторические традиции прямо или косвенно находят отражение в топонимах» [Перфильева, Новоспасская, Да 2017: 191]. Названия улиц, зданий, учреждений, использованные М. Булгаковым, показывают особенности эпохи, участвуют в формировании картины Москвы 20-х годов и во многом окрашены авторской иронией (ср. название *Столовая нормального питания служащих Центрального совета народного хозяйства*). Эта номинация получает пословный перевод, что позволяет донести до читателей и ее смысл, и авторскую иронию.

Некоторые же из урбанонимов имеют в повести особую функцию.

Остановимся подробнее на том, какая роль отводится писателем *калабуховскому* дому профессора, что находится на углу улицы *Пречистенки* и *Обухова переулка*. Пречистенку в 1921 году переименовали в честь русского революционера-анархиста П.А. Кропоткина [Вострышев 2010: 458]. Из дневника доктора Борменталья мы узнаем, что события в повести относятся к 1924 году; сама же повесть написана в 1925 г., когда улица уже была переименована в Кропоткинскую. Следовательно, автор намеренно не использует новое название улицы – выражая, возможно, тем

самым, свое отношение к нововведениям установившейся власти.

Однако название этой улицы, как нам представляется, приобретает в повести особое звучание. Урбаноним *Пречистенка* получил свое название в честь иконы Смоленской Божьей Матери Пречистой. *Пречистая, пречистый* – это эпитет, относящихся к Богородице; «очень чистый» [Даль 1981: 503] и значит – 'святой'.

Путь Шарика, подобранного профессором у магазина, к его дому пролегал, как показывает автор, по улице Пречистенка: *По всей Пречистенке сияли фонари. Бок болел нестерпимо, но Шарик временами забывал о нем, поглощенный одной мыслью — как бы не утратить в суете чудесного видения в шубе и чем-нибудь выразить ему любовь и преданность. И раз семь на протяжении Пречистенки до Обухова переулка он ее выразил. И хотя дом фактически стоял в Обуховом переулке, М. Булгаков «ведёт» Шарика именно по Пречистенке, почти не упоминая реального почтового адреса.*

Пречистенка для Шарика – дорога, дающая надежду на лучшую, райскую жизнь. Его условия жизни в качестве домашнего пса очень отличаются от существования уличной собаки: пройти мимо швейцара в шикарный дом, где можно лежать на ковре в тепле и покое, где кормят колбасой и «окровавленным ростбифом», где можно беспрепятственно наведаться в кухню, а там еда и приятный запах, и т.д. Все эти детали новой жизни подкрепляют представление о рае:

Оценив ошейник по достоинству, пёс сделал первый визит в то главное отделение рая, куда до сих пор вход ему

был категорически воспрещён, – именно в царство поварихи Дарьи Петровны.

Неслучайными кажутся и упоминания о рае и воскресении в связи с операцией, показываемой Булгаковым как некий переход к иному состоянию – физическому и духовному: *Прощай, Москва! Не видать мне больше Чичкина и пролетариев и краковской колбасы. Иду в рай за собачье долготерпение. <...> Когда он воскрес, у него легонько кружилась голова и чуть-чуть тошнило в животе. Умерший воскресает для жизни в раю.*

Да и сам господин, первоначально явившийся собаке «чудесным видением», и дальше вызывает у нее ассоциации с чудесным, божественным. Если сначала пёс считал его «очень хорошим человеком», то позже он признал в нём «волшебника, мага и кудесника из собачьей сказки» и наградил самым высоким званием: *Во время этих обедов Филипп Филиппович окончательно получил звание божества»,* которому пёс исправно и с удовольствием служил. Шарику профессор представляется не иначе, как божеством: *К берегам священным Нила», – тихонько напевало божество, закусывая губы и вспоминая золотую внутренность Большого театра.*

Освещая период с появления Шарика в квартире профессора и до его превращения в человека, автор пишет об атмосфере в доме с использованием определения *пречистенская.*

Вечером потухала каменная пасть, в окне кухни над белой половинной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь с одинокой звездой.

Вечерами пречистенская звезда скрывалась за тяжкими шторами и, если в Большом театре не было «Аиды» и не было заседания Всероссийского хирургического общества, божество помещалось в кабинете в глубоком кресле.

«Глаза его (Шарика) теперь не менее двух раз в день наливались благодарными слезами по адресу пречистенского мудреца» – хозяина дома.

Определение распространяется и на квартиру профессора и образ жизни ее обитателей до появления жильца в лице Шарикова: *Пожимая плечами, кривя губы и хмыкая, Филипп Филиппович пожирал его глазами, как будто в белом нетонущем комке хотел разглядеть причину удивительных событий, перевернувших вверх дном жизнь в пречистенской квартире.*

Урбаноним *Пречистенская* становится, таким образом, символом благополучной жизни, сытой и спокойной, соответствующей представлениям пса о рае, а профессор Преображенский – божеством: *Пёс встал на задние лапы и сотворил перед Филиппом Филипповичем какой-то намаз.*

Нельзя не отметить и символическую роль звезды – аллюзии к библейскому сюжету, где она возвещает рождение Мессии.

После обращения Шарика в человека атмосфера в доме иная: покой, благополучие, взаиморасположение обитателей сменяется беспокойством, раздражительностью, конфликтами. С Шариковым как человеком связаны исключительно неприятности, исключаящие «райскую жизнь» – это скорее ее противоположность. Показывая

события этого периода жизни Шарика-Шарикова, автор вместо слов *Пречистенка, пречистенский* использует слова *Обухов, обуховский*. Нужно заметить, что в эти шесть дней хирург ухитрился восемь раз поссориться со своим воспитанником. И атмосфера в обуховских комнатах была душная.

И только что было произнесено слово «милиция», как благоговейную тишину Обухова переулка прорезал лай грузовика и окна в доме дрогнули. Затем прозвучал уверенный звонок, и Полиграф Полиграфович вошёл с необычайным достоинством.

«Обуховский период» заканчивается визитом следователя с ордером на обыск в квартире профессора и арест, связанные с пропажей заведующего подотделом очистки Шарикова:

Ночь в ночь через десять дней после сражения в смотровой в квартире профессора Преображенского, что в Обуховском переулке, ударил резкий звонок. – Уголовная милиция и следователь. Благоволите открыть.

Уходом следователя, Швондера и других из квартиры профессора заканчивается период существования героя в человеческом облике, восстанавливается покой и благополучие. «Пречистенская ночь» вступает в свои права, а хозяин дома снова становится «божеством»: *Серые гармонии труб играли. Шторы скрыли густую пречистенскую ночь с ее одинокой звездой. Высшее существо, важный песий благодетель сидел в кресле, а пёс Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана.*

Урбаноним *Пречистенка* передан на китайский язык с использованием транскрипции – 普 洁 斯 特 恩 卡 , как и его производные, т.е. значение и ассоциации, вызываемые словами *Пречистая, Пречистенка, пречистенский*, полностью утрачиваются, и далеко не случайный у М. Булгакова урбаноним, выполняющий как денотативную, так и коннотативно-символическую функцию, лишается в переводе отведённой для него автором функции, что позволяет говорить о значительных потерях.

2.2. Своеобразие и функции обращений в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на фоне их перевода на китайский язык

2.2.1. Обращения в повести М. Булгакова как свидетельство традиционной культуры носителей русского языка

Все обращения, встречающиеся в повести «Собачье сердце», можно разделить на две группы. Одни из них используются говорящими намеренно, с определенным прагматическим заданием и позволяют подчеркнуть социальное и идейное противостояние героев (их асимметричные отношения – термин С.А. Аристова), другие такой функции не имеют, но, тем не менее, являются ярким показателем своеобразие речевой культуры носителей русского языка.

В **первую группу** рассматриваемых обращений нами объединены те, что лишены в тексте повести специфической функции, которой наделяет их автор, а являются традиционными для русских – при их выборе говорящие руководствуются такими критериями, как возраст, пол, общая сфера деятельности, социальное положение, степень близости и доверительности, дружественности отношений, определяемая в свою очередь, рядом факторов. Здесь можно выделить несколько типов обращений, используемых в

ситуациях доверительных отношений, сложившихся, однако, по разным причинам.

2.2.1.1. Обращения к персонажам повести по имени, по имени и отчеству, по фамилии

Обращения по имени допустимы в нескольких ситуациях неформального общения. Как пишет И.А. Стернин, обращения по имени часто употребляются в неофициальной обстановке, допустимы при адресации к «равному или младшему по возрасту, к равному или младшему по служебному положению», к собственным детям, а также употребляются между коллегами по работе, находящимися в неофициальных отношениях друг с другом [Стернин 1996: 40]. Кроме того, в системе русского языка существует много обращений по имени, образованному с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов. По мнению Н.И. Формановской, такие обращения выполняют также функцию «привлечения внимания, в очень большой степени отражают отношение к адресату» [Формановская 2002: 164].

Кроме профессора Преображенского и доктора Борменталья, никто более формы обращения по имени в повести не использует.

По имени профессор обращается, во-первых, к молодой девушке, живущей в его доме и выполняющей обязанности горничной и отчасти – медицинской сестры: – *Зина*, – *скомандовал господин*, – *в смотровую его [пса] сейчас же и мне халат*.

Зина – сокращенная форма имени Зинаида. В повести профессор в домашней обстановке не только обращается к молодой девушке на *ты*, но и использует уменьшительно-ласкательную форму имени *Зинуша*, что характеризует его расположение, положительное и даже отеческое к ней отношение: – *Зинуша*, *дайте мне, пожалуйста, еще рыбы*, – *произнес профессор*. Зина не только ассистирует профессору и является, возможно, его ученицей, но и годится ему в дочери, нуждается по своей молодости и

неопытности в советах и наставлениях: – *Только попробуй [съесть колбасу]. Я тебе съем! Это отравы для человеческого желудка. Взрослая девушка, а как ребенок тащишь в рот всякую гадость. Не смей!* О том, что полное имя Зины *Зинаида* мы узнаем не сразу, оно прозвучит в сцене, когда доктор Борменталь заставляет Шарикова принести извинения за ночной дебош Дарье Петровне и Зинаиде Прокофьевне, отчества которой молодой доктор до этого времени не знал. Затем полное имя встречается в доносе, написанном Шариковым и заверенном Швондером.

Стилистически сниженная формы имени *Зинка*, хотя и не используется в качестве обращения, звучит в речи Шарикова, косвенно подтверждая, во-первых, его необоснованно высокомерное отношение к молодой девушке как к прислуге (– *Ну, уж и женщины. Подумаешь. Барыни какие. Обыкновенная прислуга, а форсу как у комиссарши. Это все Зинка ябедничает*), а во-вторых, демонстрируя обращение, во многом типичное для среды, привычной для Клим Чугункина, чьи привычки, ухватки, словечки и «таланты» унаследовал Шариков.

Дарью Петровну Шариков в третьем лице называет *Дарьей* (иногда *Дарьей Петровной*), отдавая тем самым дань благодарности немолодой женщине, которая подкармливает Шарика и допускает его пребывание на кухне, а позже – уже Шарикову – даёт денег и дарит ему галстук. Профессор же категорически возражает против использования таких имён, считая это нарушением нормы общения воспитанных людей, которую требуется соблюдать в его доме.

По имени *Федор* и на «вы» профессор Преображенский обращается и к давнему своему знакомому, который много лет добросовестно служит швейцаром в известном калабуховском доме. Профессора связывает с ним общая забота о доме, в котором они оба живут, и беспокойство о его судьбе, хотя и с несколько разных сторон, а также необходимость решения возникающих в квартире профессора бытовых проблем. Они пользуются друг у друга взаимным уважением, о чем говорит использование солидно

звучащей полной формы имени. Профессор всегда может рассчитывать на помощь Федора и вызывает его сочувствие в связи с появлением в доме и в квартире Преображенского нового жильца – Шарикова. Профессор выше Фёдора по социальной лестнице и, вероятно, старше (или разница в их возрасте невелика); в его устах такое обращение к швейцару является вполне корректным и уважительным.

Обращение по имени и отчеству используются героями повести гораздо чаще, что объясняется их полифункциональностью в русской культуре. Полное имя в сочетании с отчеством употребляется обычно в художественном тексте в двух типах контекстов: 1) «когда оно уточняет референта»; «когда говорящий хочет продемонстрировать уважение по отношению к референту имени» [Камова 2005: 74].

В тексте повести по имени и отчеству и на *вы* – *Дарья Петровна* – обращается Филипп Филиппович к другой своей работнице, поварихе, также живущей в его квартире. Выгоняя странницу, пришедшую посмотреть «говорящую собачку», он пеняет своей работнице на нарушение его просьбы: – *Вон, я говорю! — Повторил Филипп Филиппович и глаза его сделались круглыми, как у совы. Он собственноручно трахнул черной дверью за старухой. – Дарья Петровна, я же просил вас».*

Когда Шариков вторгся ночью в комнату работниц, заставив Дарью Петровну выскочить из комнаты полуодетой, профессор извиняется перед нею за создавшуюся ситуацию:

– *Дарья Петровна, извините ради бога, – опомнившись, крикнул ей вслед красный Филипп Филиппович.*

Такое обращение объясняется тем, что Дарья Петровна обладает достаточным авторитетом и, как мы узнаём из диалогов с профессором, даже позволяет себе брюзжать в ответ на его замечания, критиковать его поступки. Обращение к ней по имени и отчеству и на *вы* говорит о том, что она, несомненно, старше Зины. С одной стороны, это показатель проявления воспитанности профессора, а с другой – и некоторой дистанцированности в

отношениях Филиппа Филипповича и Дарьи Петровны. Как нам представляется, немаловажным фактором в выборе обращений по имени и отчеству является для профессора стремление не дать человеку почувствовать в чём-либо собственного превосходства: в обращении с доктором Борменталем – его сравнительной неопытности и молодости, в обращении с прислугой – статусно-социального неравенства.

Обращается профессор по имени и отчеству и к молодому доктору Борменталю – своему коллеге, участнику эксперимента по пересадке гипофиза: – *Еда, Иван Арнольдovich, штука хитрая. Есть нужно уметь, а представьте себе — большинство людей вовсе есть не умеют.* Иван Арнольдovich – верный его помощник и ученик, защищающий интересы учителя и восхищающийся им. Они ведут доверительные разговоры, делятся тайнами социального происхождения и обмениваются взглядами на новую власть, что говорит об их близости: *Вы первый, дорогой Иван Арнольдovich, воздержитесь от употребления самого этого слова. Это — мираж, дым, фикция, — Филипп Филиппович широко растопырил короткие пальцы, отчего две тени, похожие на черепаха, заерзали по скатерти. — Что такое эта ваша разруха?* Их общение между собой с использованием форм имени и отчества является культурно обоснованным и соответствует норме обращения к коллегам, уважающим друг друга и пользующимся взаимным авторитетом.

Таким образом, в речи профессора все формы неофициального обращения – к Зине, Фёдору, Дарье Петровне и Ивану Арнольдovichу – являются знаком доверия, уважения, доброго расположения. Об этом говорит и тот факт, что профессор ни разу не обратился по имени или имени-отчеству к Шарикову, отчасти – в силу недопустимости, по его мнению, имени Полиграф Полиграфович вообще, однако в большей степени – по причине значительной дистанцированности героев – не столько социальной, сколько культурной. Ситуация общения со всеми этими людьми неформальная, разговор ведется на обиходно-бытовые, а между докторами – и на

профессиональные темы, поэтому формы обращения к этим людям и между ними неофициальные.

Аналогичным образом обращается к обеим женщинам, следуя примеру профессора, и доктор Борменталь – по имени к Зине и имени и отчеству – к Дарье Петровне: – *Ничего не позволю себе дурного, Филипп Филиппович, – не беспокойтесь, – железным голосом отозвался Борменталь и завопил: – Зина и Дарья Петровна!*

Но – в отличие от профессора – он обращается к Зине на *Вы*, а не на *ты*, например: *Зина, как вам не стыдно? Кто же может подумать? Фу, какой срам!* – заговорил Борменталь растерянно. Такой способ обращения указывает на меньшую близость отношений Борменталья и Зины. С одной стороны, он коллега профессора, к которому Зина обращается по имени и отчеству, а с другой – молодой доктор не является постоянным жильцом этой квартиры, между ними, вероятно, нет дружеских отношений.

По имени и отчеству *Филипп Филиппович* обращаются к профессору все живущие в квартире, включая не чужого дому Фёдора.

– *Где же вы такого [пса] взяли, Филипп Филиппович?* (Зина)

– *Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса?* (доктор Борменталь)

– *Здравия желаю, Филипп Филиппович.* (Фёдор)

Филипп Филиппович, — в отчаяньи ответила Дарья Петровна, сжимая обнаженные руки в кулаки, — что же я поделаю? Народ целые дни ломится, хоть все бросай.

Заметим, что в повести это обращение вообще является единственным, употребляемым Зиной и швейцаром Фёдором.

Позже так обращается к хозяину дома и Шариков, который со временем усваивает навыки правильной адресации к профессору, от которого зависит его существование (питание и крыша над головой) и к которому – вероятно, единственному из всех обитателей квартиры – испытывает уважение: — *Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо.*

Так же обращается к профессору и человек в военной форме, высокопоставленный чиновник, приехавший к нему с письмом: – *У вас боли, голубчик, возобновились?* – спросил осунувшийся Филипп Филиппович, – *садитесь, пожалуйста.* – *Мерси. Нет, профессор <...> Я приехал к вам по другому делу, Филипп Филиппович...*

Китайская система обращений очень отличается от русской. Во-первых, в системе китайского языка образование уменьшительной формы китайского имени принципиально иное, чем в русском, так что требуется дополнительное объяснение, касающееся отсутствия для носителя китайской культуры разницы между формами *Зина*, *Зинка*, *Зинуша*. Но в тексте на китайском языке переводчик не дает по этому поводу никаких объяснений и передает обращения *Зина* и *Зинуша* одинаковым по звучанию именем – 丽娜 (lì nà), что не позволяет отразить теплоту в отношении профессора к Зине. А просторечное имя *Зинка* переведено как 莉卡 (lì kǎ). Данный вариант лишает китайских читателей представления о его стилистической и оценочной сниженности. В результате не является очевидным и то, что эти два имени 丽娜 и 莉卡 являются обращениям к одному и тому же человеку.

Во-вторых, в китайской культуре обращение только по имени отражает очень близкие отношения, используется при адресации к младшему по возрасту или к людям одной возрастной группы и содержит известную долю фамильярности. Таким образом, обращение профессора к *Фёдору* по имени, хотя и в его полной форме, и на *вы* в китайском переводе практически ничем не отличается от уменьшительно-ласкательной формы *Зинуша* в сочетании с «ты» и способно вызвать у читателя неоправданное впечатление о фамильярности отношений между двумя немолодыми мужчинами.

Все люди, живущие в квартире, включая – по прошествии некоторого времени – и Шарикова, обращаются к профессору по имени и отчеству, что свидетельствует об уважении к нему. В переводе, однако, это передать трудно, поскольку в системе китайского языка отсутствуют отчества, так что для адекватного понимания особенностей отношений героев повести

читатель нуждается в объяснении условий, допускающих обращение по имени и по имени-отчеству: это выражение вежливости и уважения по отношению ко взрослому человеку.

Обращения по фамилии имеют в русской культуре свою специфику. Исследователи пишут, что обращение по фамилии часто употребляется вместе с формой *ты*, между взрослыми коллегами – имеет шутливо-иронический, сниженный, немного фамильярный оттенок, отражает недостаточное уважение к собеседнику [Формановская 2002: 177]. Таким образом, когда Шариков обращает к доктору Борменталю по фамилию, тот, шокированный, его исправляет:

– Борменталь!

– Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте!

Отозвался Борменталь, меняясь в лице.

Китайский читатель, не знакомый с русским речевым этикетом, во-первых, не способен понять, чем доктора Борменталья не устраивает обращение к нему Шарикова и почему он требует обращения «по имени и отчеству», и, во-вторых, не может представить, что доктор Борменталь шокирован таким непозволительным, некультурным обращением.

Профессор же и доктор Борменталь обращают к Шарикову по фамилии и «на вы». Шариков, с точки зрения профессора Преображенского, еще не вполне сложившийся человек (не совсем человек), а существо, которое «стоит на самой низшей ступени развития», – и в том числе это проявляется в таких простых вещах, как повседневные обращения, в использовании которых, казалось бы, нетрудно брать пример с других обитателей дома.

– Знаете, Шариков, – переводя дух, отозвался Филипп Филиппович, – я положительно не видал более наглого существа, чем вы.

– Шариков, скажите мне, пожалуйста, – заговорил Борменталь, – сколько времени вы еще будете гоняться за котами? Стыдитесь! Это же безобразие! Дикарь!

Шариков не может вызывать уважения своими манерами и всем своим поведением. К тому же, во-первых, у собеседников есть опыт обращения к Шарикю как собаке, а с другой стороны, от обращения к Шарикову как к *Полиграфу Полиграфовичу* профессор Преображенский и доктор и Борменталь отказались – отчасти потому, что имя и отчество выбраны Шариковым из календаря, выпущенного новым правительством, но в большей степени потому, что им, в отличие от Шарикова, известно значение слова *полиграф* – 'копировальная машина'.

2.2.1.2. Формы обращений, принятые в медицинской среде

В медицинской среде часто встречаются обращения по профессии [Формановская 2002: 153]. Иван Арнольдович – доктор и ассистент профессора Преображенского, который часто обращается к молодому коллеге, используя форму «доктор» (обращение «доктор» составляет 41 % всех обращений профессора к Борменталю), особенно когда они работают, т.е. в ситуации, которая не терпит лишних разговоров – например, в операционной:

– Шейте, доктор, мгновенно кожу, — затем оглянулся на круглые белые стенные часы.

Кроме обращения по профессии, профессор Преображенский иногда употребляет также обращение по модели «наименование профессии + фамилия» (7 из 49 обращений, т.е. 14.2%). Анализируя употребление обеих форм обращения в повести «Собачье сердце», мы можем сказать, что по сравнению с использованием при обращении только наименования профессии (доктор) обращение в форме словосочетания – названия профессии и фамилии – звучит более официально (*– Вот, черт возьми. Не издох. Ну, все равно издохнет. Эх, доктор Борменталь, жаль пса, ласковый был, хотя и хитрый*) и даже торжественно, пафосно. Например, когда доктор и профессор разговаривают о разрухе, об изменениях после революции, профессор, пытаясь убедить своего коллегу, говорит:

Почему электричество, которое, дай бог памяти, тухло в течение 20-ти лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц? Доктор Борменталь, статистика — ужасная вещь. Вам, знакомому с моей последней работой, это известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

Обращение в такой форме в речи профессора Преображенского может быть и эмоционально окрашенным – например, сочетаться с выражением шуточной эмоции переживания (*Доктор Борменталь, умоляю вас, мгновенно эту штучку, и, если вы не скажете, что это вкусно, я ваш кровный враг на всю жизнь*). Таким образом, будучи достаточно официальным, обращение «доктор Борменталь» является у Преображенского скорее знаком уважения и вежливости в отношениях коллег, но также и привычной формой адресации для человека, чуждого в целом фамильярности, ведь разговор за столом ведется не на медицинские темы, а на темы из сферы обиходно-бытовой жизни, из области политики и др.

Обращение, принятое в медицинской среде между докторами (*доктор, профессор*) и допустимое в речи пациентов по отношению к врачам (*ср. также сестра* в значении ‘медицинский работник’), используется и членами домоуправления, и теми людьми, что пришли в квартиру профессора Преображенского с ордером на арест по поводу пропажи гражданина Шарикова.

1. Именно таким образом обратился к профессору Преображенскому Швондер во время их второй встречи: – *Это – ваше дело, – со спокойным злорадством вымолвил Швондер, зародился или нет... В общем и целом ведь вы делали опыт, профессор! Вы и создали гражданина Шарикова.*

2. Те, которые пришли в квартиру профессора с ордером так обращается к профессору: – *Не стесняйтесь, профессор, – очень смущенно отозвался человек в штатском, затем он замялся и заговорил. – Очень неприятно. У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и, – человек покосился на усы Филиппа Филипповича и dokonчил, – и арест, в зависимости от результата.*

Обращение этих людей к профессору в такой форме во многом облегчает задачу адресантов – необходимость поиска адекватного обращения к человеку, который не является социально и идеологически близким им, равным, к которому нельзя обратиться, используя форму *товарищ*, которая все более распространяется в качестве новой формы этикета.

Доктор Борменталь всегда обращается к Филиппу Филипповичу не с помощью формы «профессор», а по имени и отчеству. Исключение составляет единственный случай, когда слово *профессор* сочетается со словом *дорогой*: *В прошлый раз вы говорили, что боитесь за меня, если бы вы знали, дорогой профессор, как вы меня этим тронули. Но ведь я же не мальчик и сам соображаю, насколько это может получиться ужасная шутка.* Тем самым передается волнение младшего коллеги за старшего, переживание по поводу происходящих в связи с появлением в доме Шарикова событий и попытка убедить профессора в необходимости поиска какого-то выхода, т.е. обращение, не являющееся здесь вокативом, выполняет регулятивную функцию.

2.2.1.3. Формы обращений, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску

Формы обращений могут быть эмоционально-окрашенными, что позволяет отразить отношение к адресату» [Формановская 2002: 164]. Так, слово *голубчик* в качестве обращения толкуется как ‘разговорное, ласкательное обращение к близкому знакомому’ [Балакай 2001: 106]. Именно эту форму использует профессор Преображенский в общении со своими пациентами, лицами мужского пола, что говорит о его расположении к ним. «*Ба-ба, да вас узнать нельзя, голубчик*», – говорит профессор во время приёма наблюдаемому им больному. <...> – *Снимайте штаны, голубчик*, — *скомандовал Филипп Филиппович и поднялся.* <...> – *Как сон, голубчик?* С другой стороны, такая форма обращения к посетителю отменяет необходимость запоминания имени и отчества каждого посетителя.

Даже к важному гостю в военной форме, высокопоставленному представителю новой власти, который пришёл предупредить профессора о написанном на него Шариковым и заверенном Швондером доносе, Преображенский обращается неформально, называя его голубчиком и видя в нём лишь пациента, а не официальное лицо:

– У вас боли, голубчик, возобновились? – спросил осунувшийся Филипп Филиппович, – садитесь, пожалуйста.

В том же разговоре профессор еще раз обращается к своему непростому гостю, используя форму голубчик, но в данном случае это обращение призвано решить иную прагматическую задачу – это своего рода извинение, раскаяние за допущенное им высокомерие: *– Ну, извините, извините, голубчик! – забормотал Филипп Филиппович, простите, я право, не хотел вас обидеть. Голубчик, не сердитесь, меня он так задержал...*

Не имеющий семьи, профессор Преображенский по-отечески относится и к молодому коллеге и ученику. При общении с ним он использует, помимо обращений по имени и отчеству (*Иван Арнольдович*) и вариантов профессионально-должностного наименования (*доктор, доктор Борменталь*), также и формулы с эмоционально-экспрессивной окраской:

– Голубчик, я иногда на вас ору на операциях, уж простите стариковскую вспльчивость. В сущности, ведь я так одинок...

Последнее из обращений использовано лишь однажды, когда профессор обращается к Борменталю с позиции пожилого человека, дающего совет и наставление молодому. *– Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне 60 лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками.* В таком обращении проявляется и интенция извинения за категоричность (*я не позволю*), и благодарность за готовность коллеги защищать его и за беспокойство о нём – это форма выражения в целом отношения к верному ученику.

Эмоционально-окрашенным является и обращение, используемое Преображенским в разговоре с барышней, с которой Шариков хочет расписаться. В ответ на ее объяснение профессор называет девушку *деткой*, очень ей сочувствует и готов помочь деньгами, желая удержать её от опрометчивого поступка:

– Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие. Вот что... — Он открыл ящик письменного стола и вынул три бумажки по три червонца.

В диалоге с этой девушкой профессор руководствуется своим жизненным опытом пожилого человека, который вправе давать советы.

2.2.2. Формы обращений как средство выражения социального конфликта (идеологического противостояния)

В связи с социально-политическими изменениями в жизни России, сменой власти и т.д., стали ощутимыми и изменения в парадигме обращений, принятых между людьми, и их прагматической направленности и оценке. Использование разнообразных форм обращения является у М. Булгакова особым средством, используемым для показа социального конфликта.

2.2.2.1. Обращения в речи профессора

По отношению к незнакомому или малознакомому человеку профессор Преображенский продолжает использовать, как и раньше, привычные формы обращения.

В качестве обращения к своей пациентке, пришедшей на прием впервые, профессор Преображенский использует слово *сударыня*, традиционно применяемое по отношению к незнакомым людям, «средних и низших сословий»; оно встречается в разговорном, обиходно-бытовом общении, выражает вежливость к женщине и девушке [Балакай 2001: 508].

Будучи недовольным уклонением пациентки от сообщения точной информации о себе, профессор, тем не менее, обращается к ней уважительно:

– Сударыня! Сколько вам лет? — очень сурово спросил ее Филипп Филиппович. <...> – Лет Вам сколько, сударыня? – еще суровее повторил Филипп Филиппович.

– Честное слово... Ну, сорок пять...

– Сударыня, – возопил Филипп Филиппович, – меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста. Вы же не одна!

Данное традиционное обращение к незнакомому клиенту-женщине не вызывает никакой неожиданной реакции адресата.

Однако другое обращение, ранее также считавшееся обычным и допустимым при общении с незнакомцем, вызывает неожиданную реакцию адресата. Обращение *милостивый государь* использовано профессором Преображенским в сцене появления в его квартире делегации из четырёх человек:

– В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять ваш головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович. – Я вам не милостивый государь!

Толковый словарь определяет это словосочетание как ‘вежливое обращение’ [СРЯ.1: 339]. Оно является типичным русским «официальным обращением», сочетающимся с формой «вы» и выражающим уважение к незнакомцу. До революции 1917 года оно было весьма частотным [Балакай 2001: 119]. Слушатель, не привыкший к подобному обращению, воспринял его как неподобающее, почти как оскорбление и поспешил отмежеваться от таких, как профессор Преображенский и иные люди, среди которых принято обращаться подобным образом. Это отражает достаточно низкую степень владения литературным языком и речевым этикетом человека, служащего в домоуправлении и представляющего в доме новую власть.

Подобная ситуация показана и в следующем мини-диалоге

– Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, – перебил его наставительно Филипп Филиппович. <...> – Во-первых, мы не господа, — молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида [Вяземская].

Между первой и второй репликами автор специально поставил паузу, связанная как с сутью самого замечания о шикарных коврах, так и с прозвучавшей формой обращения. Между коммуникантами встает преграда непонимания: профессор использовал слово *господа* как вежливое обращение к незнакомым, «к мужчинам или мужчинам и женщинам вместе» [СРЯ.1: 607] (таким же образом он шутливо обращался и к собаке:– *Пожалуйста, господин Шарик, – иронически пригласил господин, и Шарик благоговейно пожаловал, вертя хвостом*); адресат же воспринимает обращение как способ причисления его к представителям чужого ему класса, к «не добытым буржуям».

После превращения Шарикова в человека профессор Преображенский, как мы уже сказали, обращается к нему по фамилию. Когда Шариков потребовал вежливого обращения к себе – по имени и отчеству, – профессор в ответ предложил ему иное:

—Нет! — загремел в дверях Филипп Филиппович, — по такому имени и отчеству в моей квартире я вас не разрешу называть. Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно “Шариков”, и я и доктор Борменталь будем называть вас “господин Шариков”.

Таким образом, профессор готов использовать подобное уважительное обращение и в отношении Шарикова-человека. Такое обращение отражает его принципиальную позицию: он, как видно из повести, не намерен изменять своим привычкам в угоду кому бы то ни было; во-вторых, он не желает пользоваться системой обращений и – в целом – лексикой, свойственной новой власти и ее представителям. Однако профессор получает в ответ отказ Шарикова принять такое обращение, причем используя явно подхваченное у других идеологизированное клише:

— Я не господин, господа все в Париже! — отлаял Шариков.

Шариков, что очевидно, разделяет представление Швондера о социальной расстановке сил и не считает данную форму простым вежливым обращением.

После Октябрьской революции словом *господа* назывались «чужие – явные либо скрытые внутренние и внешние враги новой власти» [Васильев 2008: 88]. Это, с одной стороны, отражает степень владения говорящими речевым этикетом, а с другой – свидетельствует об уже сформировавшемся отношении к человеку, живущему в семи комнатах. Этот пример подпадает под выделяемые Т.В. Нестеровой случаи каузации у адресата ответного эмоционального ряда в качестве реакции на обращение [Нестерова 2001: 19], хотя профессор Преображенский вряд ли имел намерение оскорбить визитёров-домкомовцев.

Профессор в повести не только не обращается к Швондеру как к малознакомому человеку с использованием формы *господин*, но и вообще никак не обращается к нему, лишь косвенно (в 3-м лице) называет его Швондером в разговоре с другими. Это кажется логичным – особенно после того, как при первом знакомстве, во время визита в квартиру Преображенского с целью уплотнения, Швондер представил себя и своих коллег исключительно по фамилии: – *Я – Швондер, она – Вяземская, он – товарищ Пеструхин и Жаровкин.*

Позже в тексте повести так и не появились их имена и отчества. Профессору ничего не остается, как называть Швондера в разговоре с другими героями по фамилии. Отсутствие возможности обращаться вежливо в соответствии с правилами традиционного речевого этикета к определенным персонажам проводит некий водораздел между ними и позволяет расставить социально-идейные акценты: «люди типа Швондера» – «товарищи», пролетарии, не живущие в квартирах их семи комнат, сторонники новой власти, и, с другой стороны, «господа», интеллигенты люди типа «Преображенского», сторонники системы прежних ценностей.

Слово *господин* передано китайскими иероглифами 先生. Оно толкуется как 'человек, который рождается раньше кого-л.' [ССКЯ 2005: 1472] и, следовательно, является старшим. После революции, но до создания КНР, т.е. во время Китайской республики (тогда Китай был капиталистической страной) 先生 широко использовалось в качестве этикетного обращения.

Во-первых, оно является широко употребительным обращением к мужчинам (кроме работников физического труда, которые причисляются к нижнему слою общества), в обиходной (к малознакомому или незнакомому мужчине) и официальной (ко всем мужчинам) обстановках [Чжан Сюефэн 2008: 172]. Во-вторых, слово используется в качестве типичного обращения в отношении китайских «профессиональных прорицателей» и монахов [王 2000: 144]. В-третьих, слово 先生 употребляется как обращение к представителям авторитетной высшей интеллигенции (в таком случае так допустимо обратиться и к женщине), что выступает как форма выражения особого уважения к ее представителям – например, к преподавателю, учителю.

После создания КНР (в период примерно с 1949 до 1974 года) обращение 先生 уступает свое место обращению 同志 (товарищ). Поскольку до возникновения КНР в обращении 先生 было отказано работникам физического труда, оно стало обращением лишь к людям особого класса и, как следствие, малоупотребительным. Во время Культурной революции (1966-1976), как пишет один из историков, большинство людей, в отношении которых можно было использовать обращение 先生, «сидели на гауптвахте» (вероятно, в тюрьме - Д.Ч.) [Чэнь Хуй 2005: 11]. Однако это обращение не исчезло совсем -- его употребление лишь сократилось, и оно осталось как уважительное обращение к авторитетным, пожилым ученым [там же: 12]. Такая форма обращения может порождать некоторые сомнения в отношении к власти тех людей, к которым можно адресоваться с использованием формы 先生 [Сю Хэй 2012: 12]. Можно заключить, что китайское обращение 先生 может

в устах профессора означать неприятие им новой системы обращений, но социальный конфликт выглядит при этом в переводе более слабым.

2.2.2.2. Обращения в речи представителей новой власти

В повести привлекает к себе внимание использование обращений представителями новой власти. Показательна уже первая сцена знакомства представителей новой власти, когда Швондер представляет недоумевающему профессору себя и своих коллег исключительно по фамилии, но с использованием слова *товарищ*: – *Я Швондер, она – Вяземская, он – товарищ Пеструхин и Жаровкин.*

Лексема *товарищ* в «Толковом словаре языка Совдепии» толкуется следующим образом: 1. Гражданин в советском обществе: *Вчера приезжал товарищ из района. // при обращении: Товарищ, как пройти к штабу? (Фадеев). // при фамилии, звании, должности: Товарищ Новиков! Товарищ судья!* 2. Пренебр. Большевик или сторонник большевиков: *Враги революции и их сторонники называли большевиков товарищами.* 3. Имена-неологизмы [ТСЯС: 602-603].

Лексема *товарищ*, появившееся в речевом обиходе после Октябрьской революции, имеет в качестве обращения особый смысл в русской культуре и свою динамику. Д.С. Лихачев отмечает, во-первых, что мужчины и женщины в этом обращении, не различались и тем самым упразднялись гендерные различия. Во-вторых, все люди становились при этом «если не товарищами в подлинном смысле этого слова, то, во всяком случае, равными» [Лихачев 1989]. Через форму «товарищ» устанавливалось равенство говорящего и адресата, становился неважным социальный статус адресата – в сравнении с прежними обращениями, содержащими слово *господин*. Обращения *господин*, как и *сударь* и *сударыня*, *милостивый государь* и др., стали восприниматься как унижающие человеческое достоинство и характерные для речи «бывших» – представителей тех классов, которые утратили свои позиции и считаются идеологическими противниками.

Не случайно М. Булгаков сопровождает речь Швондера весьма выразительной ремаркой «горделиво», показывающей его эмоциональное состояние при использовании обращения *товарищ*:

– *Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво.*

Обращение произносится Швондером с удовольствием – он любит себя. Используя это обращение, Швондер, с одной стороны, подчеркивает свои идеологические взгляды сторонника новой власти, а с другой, – как бы включает и профессора в круг идеологически близких ему людей, единомышленников. Он, безусловно, рассчитывает на взаимопонимание в решении вопроса об уплотнении квартиры профессора, считая достаточным решение общего собрания жильцов дома. Реакция профессора неожиданна: он не только позволяет себе замечание об отсутствии у визитёров калош и своих персидских коврах, но и адресуется к пришедшим с использованием «идеологически чуждого» обращения. Причислив Преображенского к «ненавистникам пролетариата», особенно после отказа уступить свои комнаты и купить журналы «в пользу детей Германии», Швондер меняет обращение к нему, прибегая далее к форме «профессор». Так же обращаются к нему и милиция со следователем, пришедшие с ордером на обыск в квартире.

Как идеологически маркированное, слово «товарищ» имело очевидные преимущества: в условиях изменения классовой структуры, к этому обращению к концу 20-х годов привыкли, поскольку слова как инструмент общественной деятельности, его возникновение и актуализация связаны с социальными переворотами [Васильев 2008:89]. Швондер – служащий новой власти, обращения в его речи отражают особенности языка и стиля новой власти.

Обращение *товарищ* переведено на китайский язык как 同志 – формой, которая служила обращением при новой власти времен образования КНР. Согласно толкованию в словаре китайского языка, 同志 называют людей, «у которых общие идеалы и стремления» [ССКЯ 2005: 1368], и после создания

КНР данное обращение объединяет «своих людей», единомышленников. Поэтому такой перевод слова *товарищ* на китайский язык представляется успешным.

В ходе оформления документов, т.е. в ситуации администрирования, Швондер обращается к профессору с использованием формы *гражданин*: *Что же, — заговорил Швондер, — дело несложное. Пишите удостоверение, гражданин профессор.* Швондер обращается так же и к Шарикову, чтобы подчеркнуть его гражданские обязанности – *Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени несознательно. На воинский учет необходимо взяться.* Слово *гражданин* в данных предложениях стилистически соответствует цели коммуникации, проблематике и статусу говорящих.

Концепт «Гражданин» в XIX в. входит «в разряд основных морально-этических и общественно-значимых категорий гражданской культуры» [Завьялова 2001: 137], а после Октября 1917 года слово утрачивает своё высокое звучание, а обращение «Гражданин!» стало широко распространяться в качестве официального обращения [Бирюлина 2009: 58].

Форма *Государь* передана на китайский язык иероглифами 陛下. 陛下 Слово толкуется в ССКЯ как старое китайское письменное обращение к адресату, ставшее в настоящее время специальным официальным обращением в дипломатической сфере [ССКЯ 2005: 1472]. В древнем Китае данное обращение применялось только в отношении крупного чиновника [陛下 47]. То есть оно имеет особую официальную окраску. Надо отметить, что в системе китайского языка никогда не сочетается со словами, имеющими эмоционально-экспрессивное содержание, как «милостивый», «дорогой» и т.п. поэтому в переводе повести *милостивый государь* переведён только иероглифами 陛下, а определение *милостивый* опущено. Таким образом, в переводе сохраняется завышение «стилистического регистра» обращения, направленного на человека, который воспринимает его как незаслуженное и потому оскорбительное.

Надо отметить, что русское обращение *государь* вышло из употребления, а китайское обращение □□ сегодня, хотя и редко, используется.

2.2.2.3. Обращения в речи Шарикова (Шарика) как свидетельство его эволюции и социализации

Обращения в речи Шарика можно разделить на две группы хронологически – формы обращения, используемые до превращения в человека и после него.

Будучи уличным псом, Шарик так обращается к профессору Преображенскому:

Господин, если бы вы видели, из чего эту колбасу делают, вы бы близко не подошли к магазину. Отдайте ее мне.

Интересна показанная писателем шкала, по которой собака оценивает статус человека, а также признаки, по которым проводится определение.

Дверь через улицу в ярко освещённом магазине хлопнула и из неё показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже – вернее всего, – господин. Ближе – яснее – господин. <...> О, глаза значительная вещь. Вроде барометра. Всё видно: у кого великая сушь в душе, кто ни за что, ни про что может ткнуть носком сапога в рёбра.

Однако после превращения в человека, как мы уже писали, Шариков получает благодаря Швондеру представление о социальной расстановке сил и причисляет себя, хотя и без всяких на то оснований, к «трудовому элементу», к пролетариям. Таким образом, хотя Шариков, как и другие пролетарии «в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили», но он считает себя равным профессору. И в таком случае форма *товарищ* в качестве обращения представляется ему вполне подходящей:

– А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ? — Филипп Филиппович! — раздраженно воскликнул Филипп Филиппович, — я вам не товарищ! Это чудовищно! «Кошмар, кошмар», — подумалось ему.

Профессору Преображенскому кажется чудовищной эта попытка уравнивания и объединения себя с Шариковым (*товарищ* – «человек, участвующий с кем-л. в одном деле, промысле и т.п.» [СРЯ. 4: 350]) Шариков видится ему «дикарем», стоящим «на самой низшей ступени развития», «слабым в умственном отношении существом» – единомышленниками они быть никак не могут. Пугает также и скорость, с которой новый жилец квартиры усваивает все то, что так ненавистно профессору.

Выводы

Основываясь на теоретической базе, представленной в первой главе, и результате анализа собственных имен и обращений в тексте повести «Собачье сердце» мы пришли к следующим выводам.

1. Выбранные М. Булгаковым онимы связывают картину, показываемую автором, с реально существовавшей во времени и пространстве действительностью. В повести «Собачье Сердце» антропонимы и топонимы (урбанонимы) репрезентируют этномаркированные особенности культуры и во многом отражают авторский замысел. Некоторые из них особенно важны в тексте оригинала как носители существенной информации.

2. Почти все антропонимы и урбанонимы переданы в переводе транскрипцией – за исключением двух имен (Шарика/Шарикова и Полиграфа Полиграфовича) и одного урбанонима (в переводе передана внутренняя форма только Мясницкой улицы). Некоторые из этих переводов на китайский язык мы считаем адекватными – например, передачу имен идеологов и деятелей революционного движения, поскольку эти имена уже имеют вариант перевода, принятый всеми носителями китайского языка, – а также фамилий рядовых представителей домового комитета и коллег профессора (врачей) – онимов, не имеющих значимой внутренней формы. Другие же не могут передать в переводе всю полноту информации оригинала и вызвать у читателей перевода ассоциации, аналогичные впечатлению русских

читателей – фамилий Преображенского (творца, демиурга) и Швондера, ассоциируемой с негодным, ничтожным человеком или с чем-либо плохим.

3. Особенно достойна сожаления передача на китайский язык урбанонима *Пречистенка*, при которой утрачивается глубинная семантика, важные аллюзии, порождаемый им широкий спектр ассоциаций (в частности, с раем, где живет божество). Этот урбаноним не только привязывает повествование к московской действительности, но и служит символом спокойной атмосферы. К тому же выбранное М. Булгаковым старое наименование улицы позволяет предположить его согласие с изменением ее названия при новой власти.

4. Обращения в повести «Собачье сердце» играют важную роль, но не все они адекватно переведены. Во многом утрачено отражение уровня культурного и интеллектуального развития говорящих, культуры речи и владения ее стилистическими регистрами. Нельзя признать адекватной передачу обращений, используемых как Преображенским (*Зинуша, Дарья Петровна, голубчик* и др.), так и Шариковым (*Борменталь*).

5. Использование обращений, представляющих норму прежнего, дореволюционного речевого этикета (*господин, государь* и т.п.) и «новое» обращение *товарищ* отражают место говорящего в системе социально-политической ориентации и проводят границу между представителями двух сословий – пролетарского и интеллигентского. Как «ненавистник пролетариата» и культурный человек, профессор Преображенский использует первые формы и пресекает попытки обратиться к нему по форме *товарищ*. Эти обращения становятся в повести «Собачье сердце» становятся одним из ярких средств, позволяющих показать границы круга «своих» людей – для профессора Преображенского и для Швондера.

6. Динамика форм обращения, использованных Шариком (Шариковым), на пути от собаки до сотрудника очистки позволяет М. Булгакову реализовать идею ошибочности попытки очеловечивания примененным способом,

поскольку успешность этого предприятия зависит от многих факторов – среды, социального статуса, уровня развития, привычек и проч., которые могут стать препятствием при поиске общего языка.

7. Перевод обращений, участвующих в выражении социального конфликта, представляется весьма важным, однако при адекватном в целом переводе в некоторых случаях имеются стилистические отличия и снижение степени остроты показываемого конфликта.

Заключение

Онимы – собственные имена и топонимы – и обращения являются важными элементами в системе средств, участвующих в художественном тексте в отражении исторических (временных и местных), национальных и культурных особенностей.

В повести М. Булгакова «Собачье Сердце» эти две категории этномаркированных языковых средств участвуют в реализации авторского замысла, показе двух противостоящих миров и их основных представителей – Преображенского, с одной стороны, и Швондера-Шарикова – с другой.

Лингвокультурологическая ценность собственных имен и обращений очевидна: они выступают как показатели отношений и складывающихся (или давних) традиций и внутри каждой из образующихся социальных групп.

Урбанонимы участвуют в показе Москвы 20-х годов XX века, а некоторые из них порождают широкий спектр важных для автора аллюзий и ассоциаций.

Все это особенно усиливает важность адекватного перевода языковых средств повести «Собачье сердце» при попытке донесения своеобразия авторского текста и его идеи до носителей других языка и культуры.

Список использованной литературы

1. *Айсакова, Е.А.* Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – МПГУ., 2008. – 181 с.
2. *Алексеева, М.Л.* Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – УрГПУ, 2007. – 24 с.
3. *Алексеева, М.Л.* Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф.М.Достоевского (Текст): монография. – Екатеринбург: ГОУВПО Уральский государственный педагогический институт, 2007. – 225 с.
4. *Багманова, Л. Н.* Мир русского православия в творчестве И.С. Шмелева (лингвокультурологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – Казань, 2013. – 170 с.
5. *Балакай, А.Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01: – Новокузнецк, 2002. – 345 с.
6. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
7. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по истор. поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критич. статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543с.
8. *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
9. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 543 с.

10. *Белецкий, А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 210 с.
11. *Белозерова, Е.А.* Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурсе: на материале современной британской литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04: – М., 2008. – 208 с.
12. *Бирюлина, А.И.* Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы 19-21 веков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01: – ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. – 191 с.
13. *Бондалетов, В.Д.* Русская ономастика: учебное пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
14. *Борисова, Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М: Московский общественный научный фонд, 2001. – 236.
15. *Вайсбурд, М.Л.* Реалии как элемент страноведения // Рус. яз. за рубежом. – 1972. – № 3. – С. 98-100.
16. *Ваххобова, М.* Лексический фон антропонимов как часть фоновых знаний носителей языка и культуры // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 72-78.
17. *Введенская, Л.А.* Этимология и ее виды. – Ростов на Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. – 95 с.
18. *Вендина, Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 288 с.
19. *Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
20. *Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.* Язык и культура. – М.: Русский язык, 1976. – 305с.
21. *Виноградов, В.В.* О языке художественной литературы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 655 с.

22. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
23. *Влахов, С., Флорин, С.* Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
24. *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология: (теория и методы). – М.: РУДН, 1997. – 340 с.
25. *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 340 с.
26. *Вострышев, М. И.* Москва: все улицы, площади, бульвары, переулки. – М.: [Алгоритм](#), Эксмо, 2010. – 712 с.
27. *Горбаневский, М.В.* Иван да Мария. Рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах. – М.: Русский язык, 1987. – 256 с.
28. *Горбаневский, М.В.* Имя собственное в художественной литературе. – М.: Издательство РУДН, 1988. – 164 с.
29. *Горбаневский, М.В.* Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. – 187 с.
30. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
31. *Зиновьева, Е.И., Юрков, Е.Е.* Лингвокультурология: теория и практика. – СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.
32. *Зубкова, Л.И.* Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина). – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 411 с.
33. *Ибрагим, Б.* Типы и функции русского обращения как именованная адресата в разных видах словесности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – М., 2004. – 206 с.

34. *Иванова, О. В.* Имена собственные в лирике поэтов смоленской поэтической школы: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – Смоленск, 2009. – 284 с.
35. *Кабакчи, В.В.* Английский язык межкультурного общения. – СПб.: РГПУ, 1993. – 200 с.
36. *Камова, И.М.* Семантика имени в художественном тексте // Известия АлтГУ. – 2005. – № 4. – С. 73-77.
37. *Кандрашкина, О.О.* Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 2. – С. 1217-1221.
38. *Карасик, В.И.* Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания. РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1991. – 495с.
39. *Карпенко, Ю.А.* Специфика ономастики // Русская ономастика. – 1984. – № 3. – С. 3-16.
40. *Колесникова, Ж.Р.* Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Елец, 2004. – 28с.
41. *Комиссаров, В.И.* Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
42. *Кондратьева, Т.Н.* Метаморфозы собственного имен: опыт словаря. – Казань: Издательство Казанского университета, 1983. – 110 с.
43. *Коньшева, Н.Ю.* Ономастика в повестях М. Булгакова «Собачье Сердце» и «Роковые яйца» // Уральский филологический вестник. – 2015. – № 5. – С. 174-181.
44. *Косиченко, Е. Ф.* Особенности функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте // Вестник московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2. – С. 94-103.
45. *Красных, В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

46. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: «Гнозис», 2001. – 284 с.
47. *Ларина, Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М. : РУДН, 2003. – 315 с.
48. *Лиликович, О.С.* испанские реалии в пространстве романа Э. МеНДОСЫ SIN NOTICIAS DE GURB («НЕТ ВЕСТЕЙ ОТ ГУРБВ») // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 105-112.
49. *Мадиева, Г.Б., Супрун, В.И.* Антропонимы как средствао выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – №5. – С. 96-102.
50. *Мезенко, А.М.* Урбанонимия Белоруссии. – Мн.: Университетское, 1991. – 167 с.
51. *Милевич, И.Г.* Перевод названий художественных фильмов: коммуникативные тактики // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2012. – № 8. – С. 29-32.
52. *Мосиенко, Л.В.* Лингвокультурологическая проблема классификации реалий \ \ Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 155-161.
53. *Мошкович, В.В.* Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник ЧГПУ. – 2013. – № 10. – С. 291-297.
54. *Мурзаев, Э.М.* География в названиях. – М.: Наука, 1982. – 177 с.
55. *Нестерова, Т.В.* Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 4. – С. 14-20.
56. *Обухова, Е.С.* Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 208 с.
57. *Овсянникова, Е.В.* Единицы непереводимости // VIII Междунар. юбилейная научная конф. по переводоведению «Федоровские чтения». Санкт-Петербург, 19-21 октября 2006 г.: Тез. докл.. СПб.: Филологический факультет, 2006. – С. 79-80.

58. *Перфильева, Н.В., Новоспаская Н.В., Да С.Ф.* Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – № 2. – С. 189-203.
59. *Потапова, И.С.* Авторская песня в контексте лингвокультурной ситуации 1960-1970 годов (на материале поэтического творчества Б. Окуджавы, А. Галича, Ю. Визбора, В. Высоцкого) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – Иваново, 2009. – 191 с.
60. *Радугин, А.А.* Социология: курс лекций. – М.: Центр, 2003. – 224 с.
61. *Рамазанова, Ш.* Лингвокультурема «вера как компонент лингвокультурологического поля «крымская война» в русском языковом сознании периода 1860-1919 гг. // Вестник РДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 4. – С. 60-65.
62. *Реформатский, А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 2004. – 536 с.
63. *Рогалев А.Ф.* Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей. – Гомель: Барк, 2009. – 46с.
64. *Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976. – 399с.
65. *Ромазанова, О.В.* Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разноструктурных языках (на материале английского и татарского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20: – ТГГПУ., 2007. – 179 с.
66. *Россельс В.* Перевод и национальное своеобразие подлинника. // Вопросы художественного перевода. – М.: Сов. Писатель, 1955. – С. 165 - 188.
67. *Россельс В.* Перевод и национальное своеобразие подлинника. // Вопросы художественного перевода. – М.: Сов. Писатель, 1955. – С.165-188.
68. *Руделев В.Г.* Русский язык. Учение о предложении. – Тамбов: Тамб. ГПИ, 1992. – 204 с.

69. *Селиверстова, Е.И., Чжан, Д.* Имена собственные в аспекте культурной семантики и вербализации авторского замысла (на примере повести М. Булгакова «Собачье сердце» и ее перевода на китайский язык // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2. – С. 197-201.
70. *Селищев, А.М.* Избранные труды. – М.: Просвещение, 1986. – 640 с.
71. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
72. *Соболев, Л.Н.* Пособие по переводу с русского языка на французский. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1952. – 403 с.
73. *Соколов, А.В.* Хронотопы и реальности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – №3. – С. 69-85.
74. *Стерни, И.А.* Русский речевой этикет. – Воронеж: Воипкро, 1996. – 127 с.
75. *Супранская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366с.
76. *Супрун, В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01: – Волгоград, 2000. – 76 с.
77. *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Язык русской культуры, 1999. – С. 13-24.
78. *Томахин, Г.Д.* Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 1. – С. 64 - 69.
79. *Трофименко, В. Волгин, А.* Поговорим об этикете. – М.: Московская правда, 1991. – 105 с.
80. *Трубачев, О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: Наука, 1997. – 281 с.
81. *Фёдоров, Ф.В.* Язык и стиль художественного произведения. – М., Л.: Госполитиздат, 1963. – 132 с.
82. *Фёдоров, А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы. – Л.: Советский

- писатель, 1983. – 352 с.
83. *Фонякова, О.И.* Имя Собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
 84. *Формановская, Н.И.* Культура общения и речевой этикет. – М.: Икар, 2002. – 236 с.
 85. *Формановская, Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
 86. *Хализев, В. Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.
 87. *Чепель, Н.П.* Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20: – М., 2005. – 212 с.
 88. *Чуковский, К.И.* Высокое искусство. – М.: Советский писатель, 1968. – 384 с.
 89. *Эмирова, А.М.* Избранные научные работы. – Симферополь: Крымчпедгиз, 2008. – 366 с.
 90. *Яновская, Л. М.* Записки о Михаиле Булгакове. – Москва: Текст, 2007. – 413.
 91. *Яхутль, Ю.А.* Кризисы Нэпа: второй кризис новой экономической политики 1925 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. № 3. – С. 64-68.
 92. 曹宇. 汉语词汇的翻译策略. 汉语词汇研究, 2016 年 65 页. (Цзань, Жужюнь. Способы перевода онимов на китайский язык / Цзань Жужюнь. – Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2016. – 65 с.).
 93. 曹宇. 汉语词汇“同志”“先生”“老师”的翻译策略. 汉语词汇研究, 2012 年 42 页. (Сю, Хэй. Исследование слов «товарищ», «господин» и «учитель» в качестве обращения в период после создания КНР, магистерская диссертация университета Внутренней Монголии, 2012. – 42 с.).
 94. 曹宇, 曹宇. 汉语词汇的翻译策略 // 汉语词汇研究 4 页, 2011 年. (Лун, Личао, Чжоу, Сюетин. Нравственность перевода китайской национальной лексики // Вестник Хунаньского инженерского института. – 2001. – № 4. –

104. Цюй, Жицин. Сравнение русских и китайских обращений // Иностранная литература. 1996. № 4. – С. 32-35.

Список словарей и сборников паремий и их сокращенных наименований

1. Азимов, Э. Г., Шукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Либроком, 2010. – 571 с.
3. Балакай, А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
4. В. Н. Ярцева. Лингвистический энциклопедический словарь. / В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.-5987 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. – М.: Тип. М.О. Вольфа, 1981. – 584 с.
6. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов. – М.: ЭКСМО, 2006. – 669 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1999. – 2985 с.
8. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.
9. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии (СРОТ). – М.: Наука, 1988. – 198 с.

Электронные ресурсы

1. Алексеева, М.Л. Научные дискуссии начала XXI столетия: проблема непереводимости в компаративистике // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-diskussii-nachala-hhi-stoletiya-problema-neperevodimosti-v-komparativistike> (дата обращения: 23.01.2018)

2. *Васильев, А.Д.* Эволюция доминирующего вокатива как социокультурный феномен // Вестник Красноярск. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 87-89. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-dominiruyushche-go-vokativa-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (Дата обращения: 16.12.2017.)
3. *Григорьева, Г.Е.* Культурная и лингвистическая непереводаемость прозы В.М. Шукшина // Вестник Пермского гос. гуманитарно-пед. ун-та. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. №.2 С. 43-55. <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-i-lingvisticheskaya-neperevodimost-prozy-v-m-shukshina> (дата обращения: 23.01.2018)